

Зачем рубль на войне?

Сергей Татаринов,
Кандидат исторических наук

Сергей Владимирович Татаринов

Зачем рубль на войне?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71835466

SelfPub; 2025

Аннотация

В книге на основании большого количества исторических документов, большинство из которых публикуется впервые, а также воспоминаний ветеранов рассказывается об организации финансово-банковского обслуживания фронтовиков, системе денежного поощрения и денежного обеспечения в годы Великой Отечественной войны. Много внимания уделяется работе военных или полевых банков системы Государственного банка СССР, которые функционировали непосредственно в Действующей армии. Также о возможностях сбережения военнослужащими средств на счетах, судьбе этих денег, розыску наследников в случае гибели военнослужащих. Много информации о функционировании вольного рынка в годы ВОВ, выплатах военнослужащим в иностранной валюте после начала освободительного похода Красной армии в Европу и Азию. Рассмотрено влияние денежной реформы 1947 г. на сбережения граждан, в том числе военнослужащих.

Содержание

От автора	4
Вместо вступления или: почему я решил написать эту книгу...	12
Жизнь до...	15
Уроки... горькие, так до конца и не выученные.	37
Суровое начало	68
2 Ударная армия: трагедия подвига	113
Деньги любят счет. Даже в войну.	133
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Сергей Татаринов

Зачем рубль на войне?

От автора

Прежде чем, вы приступите к знакомству с этим исследованием, а это действительно результат длительной личной работы автора в архивах, хотел бы поделиться с вами, мои уважаемые читатели, некоторыми соображениями. Они будут краткими и не отнимут у вас много времени.

Не буду вам рассказывать, какой сложный момент переживает наша страна и народ. К сожалению, довольно часто приходится слышать и читать, что сейчас, мол, многие лишены идейного заряда и идут воевать исключительно ради денег. Вот в Великую Отечественную войну люди рвались на фронт из любви к Родине, и никто ни о каких деньгах даже не помышлял.

То, что воевали за Родину – святая правда: «Я к войне относился не как к службе в армии, а как к выполнению своего долга перед Родиной»¹. И так думал не только Константин Николаевич Шипов². Казалось бы, обидели его, обошли

---

¹ Я помню. Интернет-ресурс.

² Шипов Константин Николаевич (1922 – ?) – родился в семье партийного работника, увлекался хоккеем, футболом, любил петь, мечтал поступить в Бауман-

должностью – был начальник штаба танкового батальона, а стал ротным – но все это было второстепенно, шелуха.

А то, что не платили – так это абсолютная чепуха. Глу-пость несусветная. Солдатский труд ценили и старались да-же при тех ограниченных возможностях поощрять матери-ально, стимулировать на воевать с врагом эффективно, наце-ливать на конкретный результат. Существовала даже в чем-то сдельная система оплаты труда – сделал хорошо, получи премию. Нельзя не признать: в Великую Отечественную вой-ну действовала очень продуманная и широкая система мате-риального поощрения фронтовиков. И государство платило, платило буквально за все.

Вот что рассказывает Герой Советского Союза, летчик авиации Балтийского Флота Алексей Михайлович Батиев-ский³ о том, как забирали из ремонта штурмовик Ил-2: «Пе-ред этим мы должны облетать их. Мы эти самолеты облета-ли, я помню точно, что нам заплатили за облет, там своя бух-галтерия, полк полком, а там мастерские. Сто двадцать семь рублей и по сто грамм дали нам за облет самолета, как по-

---

ку, а пошел в танковое училище, хотя поначалу не хотели брать из-за малого ро-ста. В РККА с 1940 г. А дальше была война.

³ Батиевский Алексей Михайлович (1921 – 2012) – родился в Полтавской об-ласти в крестьянской семье. Отец в 1937 г. был репрессирован, но затем обви-нения сняли. В РККА с 1940 г. Окончил Ейское военно-морское училище лет-чиков им. И.В. Сталина, летчик-штурмовик авиации Балтийского флота. Герой Советского Союза с 1945 г.

ложено»⁴.

Конечно, возможно, не столько, сколько действительно стоил этот тяжкий солдатский труд. В Действующей армии (а именно так тогда писали – с большой буквы) рублем оценивался любой труд и подвиг тоже поощрялся финансово. Причем надзирали за этим порядком и высшее командование, и политические органы, и военная контрразведка в придачу с прокуратурой очень жестко. Даже если солдат не сражался в первой линии, а работал в прифронтовом тылу, где также рисковали жизнью, то любая материальная польза с его стороны вознаграждалась конкретным рублем. Советским. И зачастую солдат на фронте был единственным кормильцем в семье. Да, эта система выстраивалась не сразу, не в один день. Но она регулировалась руководством страны в зависимости от обстановки, по мере того как становилось очевидным, что без личной материальной заинтересованности бойца эти проблемы эффективно не решить.

Я считаю, что в те годы деньги имели куда как более важное значение для солдат и их семей, чем в наши дни. Под словом солдат я понимаю всех военнослужащих, независимо от звания. Сегодня нет карточной системы на продукты, сегодня нет пустых полок и очередей, сегодня, давайте говорить прямо, нельзя просто умереть с голоду. Любой может прокормиться. Конечно, не роскошно, но выжить всегда. Достаточно посмотреть сколько магазины продуктов выбрасы-

---

⁴ Дрaбкин Артем. Я дрался на Ил-2. Книга вторая. М. 2011. Интернет-ресурс.

вают или фруктов на рынках. Я был весьма впечатлен, увидев, что идет в мусорные баки на крупнейшем рынке столицы «фуд сити». И это хорошо. Хорошо не то, что выбрасывают, а то, что можно прокормиться. Я никому не желаю быть в таком положении, когда голод неизбежен, и, конечно, изыскивать себе пропитание подобными способами. Но главное достижение финансово-банковской системы в те годы состояло в том, что рубль, в отличие от Гражданской войны, не утратил своей покупательной способности и стимулирующей привлекательности. На рынках, в коммерческих магазинах, да и просто у спекулянтов можно было купить практически все продукты питания, не исключая деликатесы. И это было спасение. Деньги остались деньгами, а не цветными бумажками!

Полагаю, и поэтому настало время рассказать о значении рубля на войне реально, достоверно, с документами и цифрами, а не лепить бредни. К сожалению, измышлений и слухов по этому поводу много. Наши предки достойны, чтобы о них, их жизни, труде, подвиге знали мы, наши дети и внуки. Вот это я и постараюсь сделать. Отсюда и такое название книги. Задумана она была давно. И практически готова уже много лет. Но все не доходили руки.

Но любые казенные документы из архивов не дают полной картины того, как же все было в реальности, какова была тогда повседневная жизнь простого человека. А спросить сегодня, к сожалению, почти не у кого. Именно по этой при-

чине я буду приводить свидетельства фронтовиков, участников той страшной войны. Благодаря многим неравнодушным людям, у нас такая возможность есть: они собрали воспоминания фронтовиков. Я очень добросовестно ссылаюсь на их работы. Возможно, кому-то покажется, что таких ссылок на очевидцев слишком много, что они путаются в своих воспоминаниях. Что ж, путь отчасти их уже иногда и подводит память, но это ни коим образом не снижает ценности этих свидетельств. Я, например, очень жалею, что в свое время так и не побеседовал с одним очень достойным человеком, с боевым летчиком, в 17 неполных лет в 1941 г. добровольцем, ушедшем на фронт, который ВОЕВАЛ, которого СБИВАЛИ, и который чудом выжил. С председателем правления, генеральным директором «Челиндбанка» Михаилом Ивановичем Братишкиным. Хотя, увы, такая возможность у меня была. Просто не сразу сообразил это сделать, а когда условился при следующей встрече по его приезду в Москву поговорить, то было уже поздно. Ушел из жизни Михаил Иванович. Мне только удалось успеть организовать публикацию его воспоминаний. Но сам поговорить не успел. Крайне жаль.

Михаил Иванович был бы очень ценным очевидцем тех событий. Начав авиатехником на пикирующем бомбардировщике Пе – 2 и прославленном штурмовике Ил – 2, окончил авиашколу и стал летчиком. Затем служил в осажденном Севастополе, летая оттуда бомбить противника. Был сбит

над Азовским морем, но чудом остался в живых. В апреле 1945 г. уже над Балтикой во время боевого задания был тяжело ранен.

А в 1946 г., будучи демобилизованным из армии, совершенно случайно смог устроиться инкассатором в контору Государственного банка СССР в Вильнюсе, ибо другой работы попросту не было. Как и многие фронтовики, днем работал, а по ночам сидел над учебниками, чтобы закончить 10й класс. А дальше вся его дальнейшая деятельность вплоть до 1990 г. была связана с работой в Государственном банке, где он вырос до управляющего Челябинской областной конторой Госбанка СССР. Затем был фактически основным создателем ПАО «Челиндбанк» и руководил этой кредитной организацией до конца своей жизни, оставаясь при этом, несмотря на почтенный возраст, всегда активным, полным энергии и очень доброжелательным человеком, сохраняя при этом полную ясность ума. Фронтная закалка есть фронтная закалка.

Увы, бег времени неумолим. В декабре 2020 г. Михаил Иванович Братишкин ушел из жизни. Было ему 96 лет. Насколько мне известно, он был старейшим руководителем банка не только в России, но и в мире. И это сделал Человек, прошедший страшную войну!

Безусловно, разговор с таким человеком был бы неоценим по значению для моего исследования. Ведь Михаил Иванович мог с профессиональным знанием дела не только расска-

зять о всех тонкостях организации денежного содержания и системы материального поощрения летчиков, а работе именно с ними, как одной из наиболее высокооплачиваемых категорий военнослужащих, уделялось особое внимание в системе полевых банков Государственного банка СССР. Кстати, на привлечение к вкладным операциям в первую очередь офицеров ВВС и обращало внимание своих подчиненных руководство созданного в августе 1941 г. Управления полевых учреждений Госбанка СССР, о работе которых я и расскажу в этой книге.

Очевидно, что память Михаила Ивановича хранила массу важнейших для меня сведений. Но, увы, этот разговор так и не состоялся. И я могу только укорять себя в отсутствии должной инициативы со своей стороны.

Так что, дорогие мои читатели, если у вас есть возможность поговорить с участниками Великой Отечественной войны, особенно, если они члены вашей семьи, то сделайте это обязательно. Постарайтесь, прояснить наиболее незначительные детали их биографии. Это будет достоянием вашей семьи сегодня, и в будущем. Иначе потом пожалеете, как жалею я, увы. Будете себя корить, как корю я. Поэтому, надеюсь, моя книга в этом будет вам в чем-то полезной и поможет не упустить свой уникальный шанс. Сделайте это.

Скажу несколько слов о дне сегодняшнем. Не могу не сказать. Приходилось слышать шипение, что участникам СВО слишком много платят. Это чушь! Я считаю, что фронтови-

кам платят недостаточно. Но отлично, что правительство наше в конце концов осознало, что солдатский труд надо поощрять. И главное здесь сегодня не допустить обмана тех, кто воевал, не попытаться урезать им положенное и обещанное, поджечь, сэкономить на защитниках страны. А такая тенденция, к сожалению, начинает просматриваться. Не дай Бог отдать всю власть в этом вопросе финансистам! Быть тогда беде.

Конечно, я затрону в этой книге только небольшую часть финансово-экономической составляющей той страшной и героической войны. В первую очередь, какую роль сыграл Государственный банк СССР и полевые учреждения Госбанка в денежном обеспечении военных и защите их прав и наследников тех, кто не вернулся с войны. Это пока еще одна из малоизвестных страниц Великой Отечественной войны, да и последующих конфликтов, в которых участвовала наша страна и ее армия.

Вместо вступления или: почему я решил написать эту книгу...

«Мы не умели воевать,

Мы только победить сумели.»

Михаил Федорович Тимошечкин,

поэт, фронтовик (1925 – 2013)

Мальчишкой, проводя лето в деревне, я постоянно досаждал деду просьбами рассказать о войне. Тот хмурился, отводил взгляд в сторону, частенько при этом ловко сворачивал из кусочка газеты своими большими, желтыми от курения пальцами самокрутку с махоркой, вместо привычных «шахтерских» или «севера»⁵, и, невнятно пробурчав – «да что там рассказывать – грязь да кровь», выходил из хаты во двор покурить. Он, рядовой солдат трех войн, не любил о них вспоминать. Мне же хотелось услышать нечто героическое и романтическое, ну, в общем, «как в кино».

Дед сильно хромал: правая нога была короче другой, что доставляло ему большие неудобства при ходьбе и езде на велосипеде. Только верхом, в седле он, воевавший в граждан-

---

⁵ Популярными в советское время марки недорогих папирос. «Шахтерские», насколько я помню, стоили 25 копеек, «север» – 14 копеек. Были и дорогие, фирменные сорта – от 60 копеек и выше. Самые дорогие папиросы, какие я видел в детстве и наповал был сражен ценой, «Богдан Хмельницкий» – 2 руб. 60 копеек за коробку! При зарплате медсестры в 70 руб. в месяц.

скую в кавалерии в бригаде Г.И. Котовского⁶, имя которого свято чтит до конца своих дней, чувствовал себя комфортно. Специальные ортопедические ботинки на особо толстой подошве, пару которых ему шили в Полтаве только раз в два года, очень берег. По этой причине, когда мы шли к речушке нарезать прутья из ивы на корзины, а плел он их мастерски, разувался. И я с ужасом смотрел на его изуродованную, неровно сросшуюся, перебитую в двух местах пулями ногу с огромной, зарубцевавшейся воронкой сверху ступни. По ночам его одолевали нестерпимые боли в изуродованной ноге, и я бывало в ужасе просыпался от крика: «Бабка, несы сокры, я ейи видрубаю!»

Только однажды, когда я приехал в свой единственный солдатский отпуск, и мы посидели по-взрослому, и он, расчувствовавшись, рассказал, как его тяжело ранили при форсировании Днепра. «Сразу не призвали, староват я был... А потом, он, гад, из-за щитка меня достать не мог, а я был первым номером при пулемете, так бил по ноге. Ее лежа, не спрячешь. Точно бил, гад, снайпер». И ни разу во время своего нехитрого повествования дед не сказал ни немец, ни фашист, а только – «он, гад». А в конце вздохнул и добавил: «Да что там, нас на фронте хоть кое-как кормили. А вот бабам с детьми в тылу, в эвакуации было куда как тяжко».

Я невольно каждый раз вспоминал этот его сугубо личный

---

⁶ Котовский Григорий Иванович (1881 – 1925) – революционер, военный и политический деятель, герой Гражданской войны.

рассказ о войне, когда работал в архиве полевых учреждений Государственного банка СССР. Именно, эта, созданная с первых дней Великой Отечественной войны, система была призвана обеспечить бесперебойное движение денег как на фронте, в Действующей армии, так и в обратном направлении в тыл, семьям военнослужащих. В стране понимали, что войны не избежать, и уже в августе 1940 г. Совнаркомом СССР было принято совершенно секретное постановление №1419 – 556сс, утвердившее «Положение о полевых учреждениях Госбанка СССР». Фактически речь шла о создании особого рода кредитных учреждений, аналогичных полевым казначействам русской царской армии, активно действовавшим на полях сражений в русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг. и русско-японскую – 1904 – 1905 гг.

Казалось бы, зачем солдату на войне наличные? Ведь его кормят, одевают, обувают, снабжают табаком и дают даже винную порцию, словом, обеспечивают всем необходимым. Однако, как показал боевой опыт, в случае перебоев в выдаче личному составу денежного содержания резко ухудшаются отношения с местным населением, возникают эксцессы мародерства, особенно в период нахождения за границей, затрудняется связь с родными. Решать эти проблемы в ходе вооруженных конфликтов Русской императорской армии и были призваны полевые казначейства, где они убедительно доказали необходимость своего существования и показали высокую эффективность работы.

Жизнь до...

Кем был летчик в СССР в начале 1930-х годов в глазах мальчишек? «Бывало, приедут в отпуск – в красивой форме, а таком, понимаешь, реглане... Завидно! Я и решил, что пойду только в авиацию, чтобы получить реглан, форму и освоить современный истребитель!» – вспоминал через много лет после окончания войны летчик-истребитель Виталий Иванович Клименко⁷.

Да, именно в таком порядке: сначала – реглан, потом привлекательную для девушек летную форму, а уж потом... все остальное: долг перед народом, любовь к Родине, романтика подвига.

Что и говорить, профессия военного в предвоенные годы была весьма престижной. Служить в армии, а уж тем более быть командиром, особенно пилотом или танкистом было почетно и для молодого человека, и для его родителей и близких. Ими гордились ученики и педагоги школ, где они учились, товарищи по цеху на заводе, где они трудились до поступления на военную службу, односельчане из колхоза, откуда они ушли в армию. Да и денежное содержание было вполне завидным, не в пример доходам на гражданке.

---

⁷ Клименко Виталий Иванович (1920 – 2014) – уроженец г. Суджа Курской области. В РККА с 1940 г. Окончил Чугуевское военное авиационное училище летчиков.

В конце 1930-х годов старший лейтенант И. А. Толконюк⁸ был назначен на должность старшего помощника начальника мобилизационного отделения Управления начальника артиллерии округа. По характеру работы ему полагалась «15-процентная надбавка к денежному окладу за секретность и выдавались талоны на бесплатные завтраки. Мой месячный оклад, к удивлению, теперь равнялся окладу командира полка»⁹.

Будущий летчик-штурмовик Павел Ефимович Анкудинов¹⁰ поступил в Оренбургское авиационное училище. «На первом курсе я получал 100 рублей, на втором – 110 и так каждый год по десятке прибавляли, а инструктором уже получал 700 рублей, не говоря уже об отличном обмундировании и бесплатном питании по норме 8а – шоколад и все, что хочешь. Жили хорошо, этого не отнять»¹¹. По выпуску Павел Ефимович стал инструктором.

Итак, курсант летного училища получал стипендию в 100 рублей на всем готовом. Много это или мало по тем време-

---

⁸ Толконюк Илларион Авксентьевич (1913 – 1995) – выпускник Киевского артиллерийского училища и академий им. Фрунзе и Генерального штаба, генерал-лейтенант, советский военачальник, занимавший в послевоенный период высокие посты. Писатель. Участник боевых действий с июля 1941 г.

⁹ Толконюк И. А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М., 2017. С. 34.

¹⁰ Анкудинов Павел Ефимович (1919 – 2014) – имел 7 боевых орденов. После войны старший тренер сборной СССР по вертолетному спорту (1975 – 1983).

¹¹ Я помню. Интернет-ресурс.

нам? По воспоминаниям летчика-бомбардировщика Героя Советского Союза Николая Павловича Жугана¹², в 1935 г. он работал учетчиком в совхозе, а это считалась важная должность. «Мне платили по 100 рублей в месяц, а по тем времена это была хорошая зарплата»¹³. Так что вполне можно понять, почему столь высок был престиж летной профессии. И девушки явно не сторонились общества курсантов.

Надо признать, что официальная пропаганда делала все, чтобы внедрить в сознание советских людей героику красных командиров и бойцов времен Гражданской войны, вселить уверенность в могущество современной Красной Армии, тогда еще официально Рабоче-Крестьянской, придать романтику образу человека в военной форме. На экран один за другим выходили мастерски, на потрясающем художественном уровне снятые кинофильмы, каждый из которых был событием в жизни страны. «Истребители»¹⁴, «Трактористы»¹⁵, то бишь «Танкисты» – а именно так следовало называть эту ленту, – были прекрасными в самом высоком смыс-

---

¹² Жуган Николай Павлович (1917 – 2017) – родился в Одесской области, в Красной армии с 1938 г. Воевал с самого начала войны. В 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В 1959 г. – командир авиадивизии, генерал-майор.

¹³ Я помню. Интернет-ресурс.

¹⁴ Кинофильм «Истребители» вышел на экраны в 1939 г. Именно в нем впервые прозвучала знаменитая, и, как по мне, прекрасная песня «Любимый город» (музыка Н. Богословского, слова Е. Долматовского), особенно в исполнении Марка Бернеса.

¹⁵ Кинофильм «Трактористы» – музыкальный художественный, «Мосфильм», 1939 г.

ле этого слова и по меркам сегодняшнего дня произведениями киноискусства. А служба в танковых войсках тоже была, что называется, на зависть.

«Когда я служил в Даурии в мехполку [середина 1930-х], у танкистов был авиационный паек – привилегия. И одежда: краги кожаные, сапоги, танкошлем»¹⁶, – с юмором рассказывает о своей тогдашней наивной очарованности романтикой броневойск А.П. Швобиг¹⁷. Но этот внешний антураж все же способствовал тому, что Анатолий Петрович стал офицером-танкистом, дослужившись до ответственной должности заместителя по технической части командира танкового корпуса.

Да, это были пропагандистские, призванные мотивировать юношей идти на военную службу, картины, но какого качества! Чистые и полные благородства образы с экрана вызвали у молодежи стремление встать в один строй с этими почти что небожителями.

Хотя, что это я? Фильм «Танкисты» тоже был, и вышел он на экраны в аккурат к событиям на Халхин-Голе, где японцы решили проверить на прочность РККА в целом, и наши танковые войска, в частности. Но эту агитку, где через слово все клянутся в верности Сталину и партии, подчеркивая свою любовь к Родине, как-то не хочется и вспоминать. Но

---

¹⁶ Я помню. Интернет-ресурс.

¹⁷ Швобиг Анатолий Петрович (1914 – 2012) – в Краской армии с 1932 г., офицер-танкист, зампотех танкового корпуса.

вот что интересно, в кино этом наши легкие танки Т – 26 не только летают со скоростью самолетов по полю боя, но и в огне не горят, а у вражеской артиллерии нет даже шансов в них попасть. И это «действие» предлагалось зрителям тогда, когда именно эти Т – 26, увы, горели на Халхин-Голе, ведя абсолютно бесстрашные, граничащие с самопожертвованием, атаки на японские позиции, спасая нашу пехоту. И подвиг их экипажей был вполне реальный, а не киношный. Жаль только, что с экрана нашему зрителю внушалась, что наша броня неуязвима. Тем тяжелее было потом воспринимать реальности войны.

Но тогда они, юные романтики военной службы, этого еще не знали. Вот и грезили заветными курсантскими петлицами.

Полковник Николай Васильевич Климов, офицер-танкист, в начале войны техник роты, улыбнулся, вспоминая – как стал военным? «Весной к нам, как-то, в город [Кузнецк Пензенской области] приезжал один танкист, а у них тогда форма была красивая, кожаные куртки, и вот я решил стать танкистом»¹⁸.

«Отношение к курсантам в городе [Оренбургское авиационное училище] было великолепное, – вспоминает летчик-штурмовик П. Е. Анкудинов. – У нас были вечерние прогулки перед сном, и мы шли по центральным улицам. Мы шли – хорошо одеты, в длинных шинелях, хромовых воро-

---

¹⁸ Я помню. Интернет-ресурс.

шиловских сапогах. Загляденье! Народ нам просто аплодировал!»¹⁹ Да, не будем кривить душой: народ любил свою Красную армию.

Что это мы все о летчиках, да танкистах. Поговорим о главном труженике войны – пехотинце. Он таким был, таким и остается сегодня. Будущий офицер армейской разведки Иван Федорович Кружко учился в Киевском пехотном училище. Курсантское довольствие в 1941 г. составляло 42 руб. в месяц. «Это уже было, как говорили бабы на Крещатике, «добри гроши», если учесть, что оклад комвзвода составлял 650 р. На эти деньги уже было можно разгуляться».

И, конечно, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что фоне всеобщей весьма скромной, если не сказать бедноватой жизни, красные командиры были весьма обеспеченными по тем временам людьми. Я помню, как через десятки лет, когда я уже работал на республиканском телевидении, ветераны с явным удовольствием вспоминали, какие продовольственные пайки они, молодые офицеры, получали перед войной. Настолько это им врезалось в память, что можно только представить, какими важными людьми, чтобы не сказать богачами, они чувствовали себя среди перебивавшихся кое-как сверстников. Какой восторг у младших братьев и сестер вызывало их появление с богатыми и вкусными дарами, как светились гордостью глаза матерей, которые видели в них кормильцев и опору семьи.

---

¹⁹ Я помню. Интернет-ресурс.

И вот Клименко на пороге своей мечты по пути в небо: он поступает в летно-штурманское училище. Это сразу переводит его жизнь на новый качественный уровень: «Курсантам выдавалась стипендия: 1-й курс – 80 рублей в месяц; 2-й курс – 100 рублей и 3-й курс – 120 рублей». И это при полном государственном обеспечении, т.е. военной форме и бесплатном питании. Конечно, не это в первую очередь влекло юношу – он хотел летать. Не будем забывать про романтику неба, но все же...

Итак, много ли это по деньгам для того времени? Чтобы не скатываться на голую статистику, давайте обратимся к свидетельству тех, кто жил, работал, воспитывал детей, творил и служил в то время.

Отмечу только, что средняя зарплата по народному хозяйству в СССР составляла накануне войны 339 руб. в месяц. При этом плотник или механик мог рассчитывать на заработок в 350 руб., бухгалтер – 250, инженер до 450 руб.

Выпускник Харьковского авиационного института Аполлон Яковлевич Мариненко был направлен по распределению на Горьковский завод № 21, где был назначен в филиал Конструкторского бюро (КБ) Поликарпова по истребителям И-16 – весьма массовой и вполне современной по тем временам машины. Оклад инженера-конструктора с высшим техническим образованием, что тогда было редкостью, составлял 250 руб. в месяц при практически неограниченном рабочем дне с очень редкими выходными. Правда, женатым

давали комнату от завода, а за выполнение важных и крупных заданий платили хорошие премии. Однажды Аполлон Яковлевич за работы по увеличению топливного запаса И-16 за счет подвесных баков получил премию в размере 12 окладов. «Из сберкасс, где получал деньги, шел с полной авоськой, набитой пачками денег. Жених!», – вспоминал Мариненко²⁰. Но не всем так везло.

Перед войной будущий танкист Борис Кузьмич Кошечкин²¹ после педагогического института работал учитель начальных классов. Зарплата – 193 руб. 50 коп. Прожить на эти деньги было невозможно. Плюнул, ушел из школы и уехал работать слесарем в Хабаровск. Мог по 200 – 300 руб. матери посылать из 500 заработка. «В колхозах на трудодень дают 100 г зерна. Нищенствуем», – писали ему из деревни. Затем ушел кочегаром во вредный цех – от 2700 до 3500 руб., «в зависимости от того, сколько выдам пару и газа в систему. Все учитывалось! Даже расход угля». Работал по две смены. Но в производстве использовался карбид кальция, а потому «выделялся ацетилен». Крайне вредный для здоровья процесс. И это с высшим образованием!²²

Понятно, что Борису Кузьмичу была открыта прямая до-

---

²⁰ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

²¹ Кошечкин Борис Кузьмич (1921 – 2017) – советский офицер, танкист. В 1944 г. за героизм гвардии лейтенант Кошечкин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Автор нескольких книг, художник.

²² Драбкин А. Я дрался на Т-34. Третья книга. М. 2015. Интернет-ресурс.

рога в военное училище. Войну наш педагог встретил уже лейтенантом на легком Т-26, который, конечно, сразу же подбили, но повезло: весь экипаж остался в живых. Затем английский «Валентайн» и Т-34. Дрался Кошечкин отлично – стал Героем Советского Союза. К его боевой биографии, как и многих других фронтовиков, чьи имена будут упомянуты в этой книге, мы еще не раз вернемся. Пока же продолжим о том, как жила страна. Конечно, жизненный уровень повышался, в том числе и в деревне. Но везде по-разному – многое зависело от района, местных условий.

После окончания юридического института Зяму Яковлевича Иоффе, в годы войны сотрудника военного трибунала и военной прокуратуры, назначили на должность народного судьи – оклад 900 руб. «и я стал частью местной «номенклатуры». Но все дела по «контрреволюционным» статьям рассматривал только областной суд, а тут – бытовуха», – особо подчеркивает рассказчик²³.

Так что, оклады были разные. А вот картинки из жизни в Сибири – Россия большая. И то, как запомнились те годы Александру Петровичу Попову: «У нас и корова, и свиньи, и овцы были. Надо шерсть на носки, надо мясо, и кабанчики должны быть... Куры яйца несут. Гусей много. В хозяйстве две коровы, овечки, кабаны, куры. Я занимался кроликами. Это выгодно. Во-первых, мясо диетическое, хорошее, а во-вторых, мать с этих шкурок рукавички нам шила и носки».

---

²³ Я помню. Интернет-ресурс.

«Я перед войной три года на тракторе отработал, три сезона: 8, 9, 10-й классы. На третий год я работал на гусеничном, – продолжает делиться воспоминаниями Александр Петрович. – И комбайны таскали. Я, когда уходил в [военное] училище, за трудодни получил тонну пшеницы. Мать потом ею кур кормила»²⁴.

Понятно, что с таким опытом только в танкисты. Вот и воевал Александр Петрович Попов, офицер-танкист, на среднем Т-34 и тяжелом ИС-2 – «Иосиф Сталин».

А вот механик-водитель Т-34 Андрей Васильевич Захаров, родом из Башкирии, недалеко от Стерлитамака, рассказывает: «Перед войной колхоз встал уже на ноги, стали получать хорошие урожаи и уже столько привозили зерна на трудодни – завались. К тому же держали свиней, коров, лошадей, кур, овец, все в колхозе было. У каждого колхозника было по две коровы, теленок. Мы еще шесть овец держали, поросят. Так что у всех полный двор скотины, а сейчас все так перевернули, мол, всегда голодали. Кто работал, никогда не голодал. К тому же отец был и охотник, и рыбак. Рыбы столько было в речке – уйма, а сейчас ничего нет... Зайцев было тьма, и он на них петли ставил. Принесет, мать ругается: «Куда ты их столько носишь?» Так что жили хорошо»²⁵.

Не менее радужные воспоминания о довоенной поре осели и в памяти летчика-истребителя Александра Федорови-

---

²⁴ Я помню. Интернет-ресурс.

²⁵ Драбкин А. Я дрался на Т-34. Третья книга. М. 2015. Интернет-ресурс.

ча Хайла²⁶, отец которого был «железнодорожным машинистом». В то время это была очень престижная работа. Когда он уходил в отпуск, ему предоставлялись билеты в мягкий вагон. Смутно помню – пацан же был, но получал он, кажется, 160 рублей. Тогда воз яблок стоил 80 копеек. Мясо тоже в копейках: 30 или 50 копеек за килограмм. Жили мы хорошо»²⁷.

Полагаю, память слегка подводит Александра Федоровича. Конечно, машинист получал несколько больше, но ненамного. А вот воз яблок... Наверное, год был уж слишком на них урожайный.

Но не всем так везло. Вот как вспоминает довоенное «изобилие» мой дважды земляк летчик-штурмовик авиации Балтийского флота будущий Герой Советского Союза Батиевский: «В 1932 г. голод, отец отнес в «Торгсин» награды деда за войну с турками: Георгиевский крест и медаль «За храбрость», серебряные полтинники и принес два мешка муки, потому и выжили. Еще благодаря корове и запасу старого меда, мед ведь не портится»²⁸. Почему земляк дважды, спросите? Во-первых, Алексей Михайлович, как и я, с Полтавщины – уроженец села Городище, во-вторых, окончил Ей-

---

²⁶ Хайла Александр Федорович (1921 – 2015) – совершил 99 боевых вылетов. В РККА с 1940 г. Награжден многими орденами и медалями.

²⁷ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

²⁸ Драбкин Артем. Я дрался на Ил-2. Книга вторая. М. 2011. Интернет-ресурс.

ское военно-морское училище летчиков им. И.В. Сталина, а в этот город на берегу Азовского моря переехали из Украинской ССР мои родители, когда я подростком ушел из отчего дома учиться.

О тех страшных годах голода в Поволжье и на Украине хорошо помнил мой отец, 1928 г.р. Как им, детям, не разрешали садиться рядом с окном, особенно вечером, чтобы не вытащили с улицы. Не спрашивайте – «зачем?» Случаи пропажи детей не были чьей-то выдумкой или исключительной редкостью. И это тоже правда тех лет.

Итак, одни голодали, а другие и не подозревали об этом, ибо в газетах и кинохронике одни трудовые победы, достижения. «Мы жили, как короли в Англии в своем Кингисеппском районе, – делится картинками предвоенных лет Иванович Сергеев Александр, который во время войны летал стрелком на штурмовиках Ил-2 и бомбардировщиках Пе-2 (всего свыше 200 боевых вылетов). – Ведь у нас был рыболовецкий колхоз, и поэтому было много рыбы... Рыбы было столько, что у нас в деревне ею огороды удобряли. И из-за этого вот такие большие помидоры вырастали»²⁹. И это тоже правда. Только не вся. И от бесхозяйственности ли одной такое было возможно? Не знаю, нет ответа.

Кстати, школьное образование накануне войны стало отчасти платным. «7 классов, если заканчиваешь, то за них плата не взималась с учащихся, а вот если 8-й, 9-й и 10-й

---

²⁹ Я помню. Интернет-ресурс.

классы нужно было платить 150 рублей», – делится своими воспоминаниями будущий офицер-пехотинец, Герой Советского Союза Петр Семенович Бочек. Пошел в ФЗУ³⁰ вместе с братом. «Три раза в сутки кормили бесплатно!.. И никакой оплаты, а так ведь надо было за каждого платить, выходило почти 600 рублей за двоих. А в то время на 600 рублей можно было купить хорошую корову, исключительную. Вплоть до того, что и лошадь можно было купить. Отец на 9-м заводе [военном] получал, как химик, рублей 600 – 620. Короче говоря, если бы у него не такое семейство было оглоедов, то он бы мог жить по-человечески, но такую ораву прокормить, как бы он ни хотел, просто невозможно».

Хлеб в булочной, например, в Минске можно было купить по цене от 85 коп. за буханку до 2 руб. за белый каравай. Ветеринарный рис приобретался из мешка за 5.90 за килограмм, вермишель – 4.30, сахар-песок – 4.45 руб. Довольно дорого обходилось растительное масло – 14.40 за литр. При этом сало свиное можно было купить где-то за 5 руб. за килограмм, его в основном и использовали для приготовления пищи. Побаловать себя и семью бутербродом со сливочным маслом можно было за 25 руб. 25 коп. за 1 килограмм. Явно, не всем по карману, а потому, как и колбасу, в основном приобретали к праздникам или семейным торжествам. При этом кило-

---

³⁰ ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества (так правильно называть), где учащиеся приобретали рабочие специальности, выпускаясь квалифицированными рабочими.

грамм вареной колбасы стоил 13 – 15 руб., а полукопченая обходилась уже в 18.50. Как правило, мясо покупали на рынке, поскольку холодильников в магазинах, особенно в провинции было немного. Причем свинина стоила дороже говядины: ведь промышленных комплексов по откорму тысяч свиней тогда еще не было.

Недешевы были и молочные продукты: молоко 2 руб. за литр, сметана в разлив 8.65 за литр. А вот сыр – это уже воистину дорогое лакомство: от 10 до 23 руб. за 1 килограмм. Цена на овощи зависела от сезона, но в среднем килограмм картошки обходился в 90 копеек, капусты – в 1 руб., лука – 2.10.

Оплата коммунальных услуг, особенно, если ты жил в отдельной однокомнатной квартире, что, как сами понимаете, было редкостью, представлялась для работающих вполне посильной, но далеко не копеечной – около 23 – 25 руб. в месяц при наличии придомовой котельной (горячей воды, разумеется, не было, в лучшем случае топили титан, сам это в детстве делал). Электроосвещение – пара лампочек – обходилось не менее чем в 5 руб. в месяц. Ну и отдельную статью расходов составлял керосин, на котором готовили пищу, – от 3 до 5 руб. в месяц³¹. Керагаз был практически в каждой семье. А сегодня спроси – это что за зверь? Далеко не каждый и ответит. Помню, как меня на одной из лекций поразили аспиранты, из которых только один правильно ответил,

---

³¹ Зарплаты и цены Минска 1941 г. Интернет-ресурс.

что такое элеватор. Остальные же в основном сказали, что это слово у них в первую очередь ассоциируется с лифтом. Таковы они плоды современного просвещения, и всеобщего прогресса в области изучения английского языка.

Конечно, природа человека такова, что с годами плохое забывается, а память услужливо отбрасывает все плохое, трагическое, особенно после того, что еще предстояло пережить тогда этим еще совсем молодым ребятам. Что они в итоге и проделали. Поэтому и картина выглядит довольно радостно: была молодость, было здоровье, был кусок хлеба и крыша над головой. Чего не жить-то? Чего не радоваться?

Служить шли многие, как на праздник. Провожали в армию всем коллективом, гуляли подолгу, и с ребятами-однолетками, и с соседями. Сам помню, как провожали всем селом в армию младших братьев отца. Фронтовик Яков Яковлевич Коваленко: «Заботливо отнеслась администрация фабрики, подарив мне хорошие сапоги. Дали родителям дров и угля, который привезли в полуторке ГАЗ»³².

В октябре 1938 г. курсант летного училища Виталий Иванович Клименко поехал на родину. Перед отпуском съездил в Харьков и заказал «себе обмундирование по своему вкусу, чтобы было красиво». В общем, шили себе не курсантское, а командирское обмундирование из дорогой ткани, с соответствующим широким ремнем, бляха – со звездой и портупья! «Кроме того, мне дали отпускные! В то время это были при-

---

³² Я помню. Интернет-ресурс.

личные деньги, мы могли шикануть!» Судя по количеству восклицательных знаков в рассказе ветерана – это действительно было круто, раз такие эмоции сохранились и через несколько десятков лет. Видимо, в то небогатое время количество денежных знаков, депонированных в курсантском кармане, действительно позволяло чувствовать себя другим человеком.

А ведь прошел всего год, и молодой местечковый паренек устраивает дома «большой прием для друзей с выпивкой и отличным столом. Потом были встречи с друзьями в единственном ресторане г. Суджа». Ну, кто платил за все это роскошество, полагаю, понятно³³. [Да, кто теперь в стране не знает название этого городка.]

«А по выпуску из училища в сентябре 1940 г. – два кубаря в петлицы, долгожданная форма офицера ВВС. Правда, реглана не выдали, сказали – в полку получишь». Не знал в тот момент Виталий Иванович Клименко, как ему крупно повезло: чего уж тут о реглане тужить? Проскочил...

Ибо дальше случилось немыслимое, страшное, почти что катастрофа.

Приказ наркома обороны Тимошенко³⁴ № 0362 от 22 декабря 1940 г. «Об изменении порядка прохождения служ-

---

³³ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

³⁴ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (с 1940), дважды Герой Советского Союза. Народный комиссар обороны СССР (1940–1941).

бы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии»³⁵. В соответствии с приказом НКО № 0147 от 1938 г. всем курсантам, оканчивавшим летно-технические школы, присваивались офицерские (или приравненные к ним) звания. «Практика показала, что этот приказ был явно ошибочным и нанес большой ущерб нашей авиации». Получилось, что в частях отсутствует рядовой и младший начсостав, а только командиры, которые имели «право жить вне казармы на отдельной квартире и иметь при себе семью». «В итоге этого создано явно ненормальной и подрывающее основы военной организации положение», что (внимание!) «наносит величайший вред боевой подготовке летно-технического состава и боеспособности всей нашей авиации». А авиационные части представляют из себя «полугражданские поселки». Далее идет пространное словоблудие: «Наши летчики должны быть лучшими летчиками в мире, летчиками, обладающими высокими боевыми летными качествами. Было бы глубоко ошибочным полагать, что все эти качества придут сами собою во время войны». А «семейные заботы отвлекают его от забот о своем боевом совершенствовании». А по сему необходимо «в кратчайший срок оздоровить нашу авиацию». Так что фраза «Первым делом самолеты...» появилась не на пустом месте.

Все летчики, до командира звена включительно, переводились на казарменное положение, а семьи «выводи-

---

³⁵ Приказ наркома обороны № 0362 от 22 декабря 1940 г.

лись» «из района расположения авиагарнизонов». Более того, отменялся принцип добровольного комплектования военно-авиационных училищ, когда туда шли юноши, желавшие служить в авиации, и вводился порядок набора из очередных призывов в армию. Срок действительной службы в авиации устанавливался 4 года.

По воспоминаниям летчика-истребителя Александра Федоровича Хайла, выпускника Чугуевского летного училища, он «окончил это училище одним из лучших... Надо сказать, что окончил я училище сержантом. Мы надеялись, что нас выпустят лейтенантами, нам уже красивую темно-голубую форму пошили, с «курицей» на рукаве. И вдруг пришел приказ министра обороны Тимошенко всех выпустить сержантами! Обидно было настолько, что я, например, никогда не надевал треугольники. Кроме того, нас оставили жить на казарменном положении... Но, например, сержантский оклад был 440 рублей, а у лейтенанта – 750. Ну, хоть стричься не заставили»³⁶.

И несмотря на то, что Александра Федорович являлся инструктором в летном училище и участвовал в боях, первое офицерское звание – младший лейтенант – он получил еще очень нескоро – в начале 1943 г., и то только после повторного обучения в Харьковском летном училище в Алма-Ате.

Как вспоминают ветераны, «...мощнейший удар был на-

---

³⁶ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

несен по престижу элиты армии – летчикам» этим злополучным приказом наркома обороны Тимошенко № 0362. Всем выпускникам летных училищ вместо звания «младший лейтенант» или «лейтенант» присваивалось звание «сержант». Летчики с выслугой менее четырех лет переводились на казарменное положение. «Соответственно изменялись и нормы довольствия, оклады, они лишены были права носить ту самую форму с «курицей» на рукаве. Многими это было воспринято как личное оскорбление. Летчики отказывались надевать знаки различия, ходили с пустыми петлицами в знак протеста». В итоге техники-лейтенанты были вынуждены докладывать о техническом состоянии самолета своему командиру – сержанту.

Вот что рассказывает боевой летчик И.Д. Гайдаенко: «В декабре вышел известный приказ наркома обороны Тимошенко. Меня, лейтенанта, командира звена, орденосца, посадили в казарму! Причем, так как я был командиром звена, меня еще назначили старшим по казарме. Ох, хватил же я, горя с этой срочной службой! Представляешь, приехали из училища лейтенанты-летчики, пришли летнабы, а тут приходит приказ и их разжалуют в сержанты. Мало того, что запикивают в казарму, так еще и звание снимают! Это ж позор перед девушками, знакомыми, родными! Конечно, дисциплина после этого резко упала. Трудно мне было держать эту банду молодых летунов. Конечно, то, что положено по программе летной подготовки, мы выполняли, но летчики

ходили в самоволки, пьянствовали. Причем, если на выпивку не хватало денег, то ребята что-нибудь продавали из постельного белья (общежитие летного состава здесь было оборудовано как надо: одеяла новенькие, подушки, простыни). Бардак, одним слово... Думаю, меня здорово спасло начало войны, а то бы посадили меня за недостачу казенного имущества...»³⁷

А вот так это же «мудрое нововведение» пришлось по судьбе Николая Герасимовича Голодникова, который окончил Ейское военно-морское училище летчиков им. И.В. Сталина за три дня до войны. И хотя учился два года, но был выпущен сержантом. Было крайне обидно. Ведь до этого все выходили младшими лейтенантами. «Для нас уже были мерки сняты на командирское обмундирование, но тут вышел приказ маршала Тимошенко...», – делился фронтовик своей болью, не угасшей и через десятилетия³⁸.

Увы, некоторым его коллегам повезло еще меньше – не было этих десятилетий. Иногда те, кто готовились к офицерской карьере, заканчивали военное училище, волею судьбы оказывались не на тех должностях, к которым готовились. «Вместо стрелков летали штурманы, окончившие училище. Летчикам дали звание младшего лейтенанта, а стрелки так и остались сержантами. Были даже стрелки, которым вооб-

---

³⁷ Исаев А. 22 июня. Черный день календаря. М. 2008. С. 11 – 12.

³⁸ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

ще забыли дать звание», – рассказывает о тяжелой, несправедливой доле своих товарищей по Ейскому военно-морскому училищу летчиков Герой Советского Союза Алексей Михайлович Батиевский³⁹.

Многие так и погибли. Не дождавшись заветных кубарей.

Да, так унижить собственных бойцов накануне войны вряд ли было разумно. Но, как утверждают некоторые историки, подобные шаги были вызваны острым желанием некоторых военачальников из НКО сэкономить на авиации, уж больно дорого обходились ВВС и летный состав казне. Вроде бы и понятное желание горе-руководителей, но неужели нельзя было подумать о последствиях подобных решений и их влиянии на моральное состояние летчиков? Ведь это штучные специалисты, индивидуальные бойцы, где готовность идти на риск в бою во многом зависит исключительно от волевых качеств самого пилота. Рядом нет ни командира, ни комиссара, ни особиста. Можно пойти в смертельную атаку, а можно затеряться в облаках... Безусловно, подавляющее большинство выбирали бой. А что касается определенно репрессивных мер в отношении личного состава, то они, якобы, были продиктованы неудовлетворительными, с точки зрения командования, результатами, продемонстрированными ВВС в ходе войны с Финляндией. Я не берусь судить так ли это или нет, но факт такой был.

Как не крути, но все эти «изменения» многих устоявших-

---

³⁹ Драбкин Артем. Я дрался на Ил-2. Книга вторая. М. 2011. Интернет-ресурс.

ся принципов военной службы, которые сопровождались целым рядом мер, увы, явно не всегда продуманных, а зачастую и поспешных, определенно наносили ощутимый ущерб боеготовности и престижу военной службы. Понятное дело, я не буду вдаваться в детали военного строительства в СССР того времени, ибо не это цель моего исследования, а коснусь только отдельных нововведений, довольно спорных по своей эффективности.

Уроки... горькие, так до конца и не выученные.

Сегодня это как-то забывается, но началу прямого военного столкновения с Германией предшествовала целая серия конфликтов, где вооруженным силам СССР пришлось принять участие. Так что первый боевой опыт многие из вышеупомянутых ребят приобрели очень быстро.

Уже в сентябре 1939 г. начался освободительный поход РККА в Польшу. «Польская армия встретила нас не с распростертыми объятиями, а огнем из всех видов оружия, в том числе артиллерии», – вспоминал уже знакомый нам Яков Яковлевич Коваленко. Надо сказать, что поляки давно готовились к походу «на Восток». На случай войны с СССР у них был разработан специальный оперативный план «Восток» (“Wschod”).

Неоднократно атаковали, продолжает свой рассказ Коваленко, включая наскоки кавалерии: «Когда мы проходили один заболоченный участок через наспех созданный саперами проход на нас с гиканьем и выстрелами прискакали [так в тексте – С.Т.] поляки. Мы развернулись, приняли боевой порядок и двинулись на конницу. К большому нашему изумлению, они не удирали, а наоборот, стремительно лавируя между деревьями, наступали на нас. Конечно, нам с нашими

возможностями не стоило большого труда смять их ряды, но они стреляли по танкам с упорством из своих карабинов и рубили броню саблями».

И, поверьте, это не фронтовая байка. В свое время мне повезло быть близко знакомым с участником кампаний в Польше и Финляндии, освобождении Красной Армией Бессарабии и Северной Буковины, борьбы с фашистами с первых дней войны и рейдов отрядов советской разведки в Польшу и на помощь Словацкому национальному восстанию 1944 г. (правда, перед этим словацкие бригады успели отметиться в СССР, помогая своим союзникам немцам)⁴⁰. Так вот он рассказывал абсолютно тоже: польские уланы бросались на наши танковые подразделения в сабельные атаки, будучи абсолютно убежденными, что боевые машины покрыты крашеной фанерой. Судя по количеству тяжелых ранений и боевых орденов (не только советских), этому человеку можно верить.

Скорее всего, это произошло во время боев 27 сентября 1939 г. с кавгруппой генерала Владислава Андерса⁴¹, ко-

---

⁴⁰ Словацкое национальное восстание 29 августа – 28 октября 1944 г., когда часть армии и партизаны выступили с оружием против вермахта и марионеточного правительства, контролируемого фашистами.

⁴¹ Андерс Владислав (1892 – 1970) – родился в Российской империи в полонизированной семье, крещен в лютеранской церкви, в 1942 г. перешел в католицизм. Был призван в русскую армию, окончил школу офицеров кавалерии. Воевал в Первую мировую войну. Храбро, трижды ранен, георгиевский кавалер. В 1917 г. окончил Академию Генерального штаба. Диплом получил из рук Николая II. Затем перешел в польский корпус в составе русской армии. Октябрь 1917 г.

гда поляки пытались атаковать наши части в конном строю. Вышло у них не очень: большие потери и утрата тяжелого вооружения. Самому генералу со штабными удалось тогда ускользнуть из бронеобъятий Красной Армии, но ненадолго – 30 сентября он попал в плен. Да, это был именно тот генерал Андерс, который стал командующим польскими формированиями из военнопленных в СССР уже в августе 1941 г. Причем все офицеры, попавшие на службу из лагерей военнопленных, сразу же получили солидные денежные пособия.

Правда, эти уже ранее битые вояки, а их набралось около 50 тыс. чел., хотя их хорошенько одели, откормили и оснастили, подстрекаемые базировавшимся в Лондоне антисоветски настроенным правительством Польши в эмиграции, попасть на фронт помогать бороться с фашистами уж совсем не спешили. Довольно долго проболтались без дела в глубоком тылу, где, если чем и запомнились местному населению, то отчаянной спекуляцией всем и везде.

Как вспоминает ветеран-танкист Константин Николаевич Шипов, Армия Андерса формировалась в Татищеве (40 км от Саратова). И «... у них всегда банка тушенки, галеты, мож-

---

не принял. С 1918 г. воюет против красных. В 1939 г. – командир кавалерийской бригады. После разгрома немцами поляков под Варшавой попытался прорваться в Венгрию. Группа частей под его командованием была разбита советскими войсками. Попал в плен. В августе 1941 г. назначен лондонским польским правительством командующим польскими войсками в СССР. Получил пособие от советских властей в 25 тыс. руб. Но поляки не верили в победу СССР и потребовали эвакуации и перевода в состав британской армии. Дальше нам не интересно.

но было немножко подкрепиться... До самого их ухода они все время толпились по рынкам и магазинам»⁴².

В итоге этих вояк отправили через Иран на Ближний Восток, где они поступили под командование британцев и участвовали в боях в Северной Африке. Я же от себя только хочу добавить, что многочисленные рассказы польских военных о том, как их грабили красноармейцы при захвате в плен, вряд ли соответствуют действительности. Я сужу по тому огромному количеству довоенных польских серебряных монет, которыми в мое пребывание Тегеране (1980 – 1990 годы) там активно торговали местные нумизматы. Когда я поинтересовался у них откуда такие залежи, то они пояснили, что это оставили поляки из армии Андерса. Причем именно так и сказали. Так что, если бы их действительно грабили в плену, то вряд ли бы они сохранили при себе столько серебра.

Да, поход в Западную Украину и Западную Беларусь никак не был похож на прогулку с пикником. Сильные бои шли за Гродно, Львов, Вильнюс. Спротивление оказывалось постоянно. Было много польских снайперов... и безвозвратные потери в экипаже нашего свидетеля. «И это было только начало», – горестно вздыхает участник тех событий Я.Я. Коваленко.

Так была ли тогда это действительно освободительная миссия? Безусловно! Местное население Западной Украины

---

⁴² Я помню. Интернет-ресурс.

и Западной Белоруссии не скрывало своей радости от прихода Красной Армии. «Люди бежали навстречу нашим танкам с букетами цветов и забрасывали ими боевые машины. При кратких остановках были объятия, сплошное общее ликование», – с энтузиазмом свидетельствует Я. Я. Коваленко⁴³.

«Населения нас встречало, всегда охотно снабжало нас молоком, яйцами, салом, белым хлебом и никогда не брало с нас денег, отмахиваясь «нэхай вам будут на бонбоны», то бишь конфеты, а мы в самом деле были подростками, хотя и солдатами, – вспоминает о своей солдатской службе в 1940 г. в Черновцах офицер армейской разведки Иван Федорович Кружко. – Месячное жалование рядовым полагалось 8 рублей, на которые в городе можно было купить пол-литра водки и пять пачек махорки или 4 кг халвы. Ни водки, ни вина, ни каких-то наркотиков не было в нашей роте и в помине, получку мы, в основном, проедали на сладостях. Кормили нас очень хорошо, обильно и сытно».

И уже это было многим ребятам из российской глубинки в диковинку, где и хлеба-то не всегда удавалось поесть вдоволь. Тот же И. Ф. Кружко в армию из-за «постоянного недоедания» пришел почти что дистрофиком: его вес 48 кг. Население же Северной Буковины, совсем недавно освобожденное РККА от румынского засилья, судя по всему, жило неплохо, если могло позволить себе бесплатно подкармливать солдат такими продуктами. А вот уже через 8 месяцев

---

⁴³ Я помню. Интернет-ресурс.

после пребывания в армии при поступлении в Киевское пехотное училище Кружко весил 68 кг при росте 173 см.

Безусловно, приход Красной Армии в Польше, Бессарабии и Северной Буковине, мини государствах Прибалтики радовал далеко не всех, многие очень боялись коммунистического рая. Даже гитлеровский режим казался им более привлекательным. В Вильнюсе, продолжает свое повествование Я. Я. Коваленко, их подразделение заблокировало танками пути, и остановило состав с пытавшимися уехать местными богачами. Танкисты всех высадили из вагонов. «Позже нам вынесли благодарность, пояснив, что в этом поезде удирали с награбленными сокровищами в Германию самые богатые фабриканты, купцы, разного рода знать. Так мы освободили от польских шляхтичей Вильнюс. Это произошло 21 сентября 1939 г.»⁴⁴

Увы, уже поход в Польшу показал, что Красная Армия, в первую очередь ее тыл, не готовы к большой войне. Из 160 танков одной из бригад ввиду перебоев с подвозом горючего и отсутствия достаточного количества ремонтных подразделений до Львова дошли только 40. Артиллерия, особенно крупных калибров, из-за тяги на обычных сельскохозяйственных тракторах, скорость которых не превышала 5 км в час, и вовсе почти вся отстала на марше⁴⁵. А во Львове их

---

⁴⁴ Я помню. Интернет-ресурс.

⁴⁵ Лопуховсий Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М. 2020. С. 232.

встретили огнем...

Вместе с войсками первый опыт работы в боевых условиях получили и подразделения Государственного банка СССР, призванные обеспечивать финансовые нужды соединений и частей. Вместе со всей страной к войне готовилась и банковская система. Уже в походе за освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии, который начался 17 сентября 1939 г., участвовали две полевые конторы Госбанка (№ 132, № 133) с подчиненными подразделениями. И здесь сразу обозначился разрыв между положением на земле и нормативными документами. Это побудило Совет Народных Комиссаров СССР (СНК) срочно, уже 2 октября 1939 г. утвердить положение, которое было разработано уже довольно давно и все никак не могло дожидаться своего часа. На следующий день оно было в экстренном порядке доведено до сведения всех территориальных структур банка. Указание подписали начальник Генерального штаба РККА командарм I ранга Б.М. Шапошников⁴⁶ и заместитель председателя правления Госбанка Н.Г. Соколов. Как видим, сразу закладывалось двойное подчинение полевых учреждений – НКО и Госбанку.

Поскольку активная фаза операции в Польше довольно быстро завершилась, а освобожденные территории, соглас-

---

⁴⁶ Шапошников Борис Михайлович (1882 – 1945) – полковник русской императорской армии, с 1918 г. в Красной армии. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной воен. Маршал Советского Союза.

но воле их жителей, вошли в состав Союза ССР, то и необходимость в полевых учреждениях, как бы стала минимальной, тем более что там началось формирование постоянной структуры Госбанка СССР.

Куда более как с суровой реальностью пришлось столкнуться военным банкирам в ходе войны с Финляндией, где им пришлось разворачиваться во втором эшелоне соединений в непосредственной близости от переднего края. Зачастую землянки и палатки полевых касс находились на расстоянии 2 – 3 км от первых траншей. Однако и здесь ввиду относительной непродолжительности (30 октября 1939 г. – 12 марта 1940 г.), пусть крайне напряженной и кровопролитной, кампании развертывание полевых учреждений поспело лишь к февралю, т.е. времени на их полноценную работу было немного.

Относительно продолжительные сроки формирования были вызваны тем, что полевые учреждения создавались на базе стационарных структур Госбанка, а их укомплектование личным составом осуществлялось за счет призыва на военную службу из запаса сотрудников банка. С одной стороны, это обеспечивало хороший кадровый состав, полностью готовый к работе, с другой – требовало больше времени на решение организационных вопросов по вхождению в состав армейских структур.

Так, упомянутые № 132 и № 133 полевые конторы были сформированы Киевской городской и Белорусской контора-

ми Госбанка, а № 131, действовавшая в Финляндии, Ленинградской. Некоторые кассы отобилизовывались довольно далеко от района боевых действий, например, в Саратове. И как не торопились, в итоге прибыли к шапочному разбору. В чем реально и принесли пользу полевые учреждения, так это в обеспечении введения в оборот наличного рубля в новых регионах Украины и Белоруссии, а также сохранности трофейных ценностей, ибо эти проблемы со всей остротой встали практически мгновенно. А объемы советской валюты, как по сумме, так и по весу требовались огромные. К тому же шла инкассация злотых и обмен их на рубли (по курсу 1 рубль = 1 злотому). Были и ограничения: с банковских вкладов можно было снять не более 300 злотых. И роль военных банкиров в решении этой проблемы трудно переоценить.

По завершении боевых действий в светлых умах «бережливых» штабистов стремительно возникла идея о расформировании полевых учреждений в целях, естественно, экономии. Что и было незамедлительно сделано. Весь, пусть и минимальный опыт, приобретенный в ходе этих кампаний, был бездарно утрачен. Разве что подтвердилась настоятельная необходимость их наличия в армии и прояснилась структура. Но подробнее об этом поговорим далее.

Демобилизованные бойцы возвращались с фронтов совсем в другую атмосферу. Война, разрушения, смерть боевых товарищей – все это было где-то там, далеко. А страна

жила обычной жизнью, не ощущая пока особых неудобств, даже в непосредственной близости от фронта.

«По моим воспоминаниям, – рассказывает служивший в армейской разведке Карл Юрьевич Раммус (Рамус), – до войны в 1940-м, в 1939-м году в магазинах и колбаса была, и селедка была хорошая, шотландская – я помню это прекрасно. В общем, продукты в то время в городе были. Вообще, надо сказать, такие крупные города, как Ленинград и Москва, в довоенные годы всегда обеспечивались прекрасно... Так что жил я в Ленинграде неплохо».

Возможно, это не совсем корректно повторно обращаться к фактам, которые уже публиковались тобою в другой, изданной ранее книге. Но здесь мне на глаза попало сообщение о том, что финские власти приступили к строительству забора на границе с Россией. Не знаю, от кого они собираются таким образом защищаться, поскольку, с военной точки зрения, эти дорогостоящие инженерные сооружения, особенно с учетом особенностей местности, по которой им предстоит пройти, совершенно лишены всякого смысла.

Мне неоднократно приходилось бывать в этой стране, где я всегда встречал со стороны тех людей, с кем приходилось общаться и сотрудничать, самое доброе отношение. Хотя при контактах на бытовом уровне, бывало, по-разному. Участвуя в научной конференции, посвященной 200-летию появления Финляндии, в качестве государственного образования, не могу не отметить, что у людей, образованных и

знающих собственную историю, нет ни малейшего сомнения в том, что самим своим появлением и существованием в качестве независимого государства эта страна и ее народ полностью обязаны России.

Ибо в составе шведского королевства финские провинции находились под жестким контролем Стокгольма. Никакой автономии не было. Весь чиновничий аппарат и практически все офицерство в армии были шведами. Да и сама сфера применения финского языка была жестко ограничена. Все делопроизводство и образование велось на шведском языке. На финском разрешалось издавать только книги религиозного характера и брошюры по сельскому хозяйству. Именно царь-освободитель Александр II в ходе своего исторического, не побоюсь этого слова, посещения Финляндии в 1863 г. снял все ограничения на применение национального языка во всех сферах деятельности, чем местная знать, преимущественного говорившая по-шведски, была не очень-то и довольна. Но когда я говорил своим финским собеседникам об этом факте, то они поначалу отказывались верить, потом бежали проверять, а затем в некоторой растерянности соглашались, что, да, так и было.

И здесь я не могу удержаться, чтобы не процитировать письмо Наполеона I к Александру I, писанное 21 января/8 февраля 1808 г.: «Позвольте ли Ваше Величество особе, которая выказывает вам нежную и искреннюю привязанность, подать вам совет? Вашему Величеству необходимо удалить

шведов от своей столицы; протяните с этой стороны свою границу насколько вам угодно будет. Я всеми силами готов помогать вам в этом»⁴⁷. Безусловно, у Наполеона I был своей резон так писать, но все же.

Затем Советская Россия согласилась на независимую Финляндию. И в итоге граница стала к Ленинграду значительно ближе, чем была к Санкт-Петербургу И.В. Сталин пытался договориться с соседями о мирном обмене территориями. Насколько это была бы справедливая по качеству земель сделка – судить не берусь. Понятно, что в Хельсинки считали, конечно, что нет, хотя земельки и предлагалось им куда как больше, чем просили уступить. Не получилось. А ведь они раньше, уже после обретения Финляндией независимости, неоднократно уже пытались вернуть эти земли силой оружия. С известным результатом.

Так был ли иной выход у большевиков в 1939 г.? И.В. Сталин не мог не думать об опасности, нависавшей над вторым по величине городом СССР. Но все же пока ученые так и не могут решить: это была третья или четвертая война с Финляндией после 1918 г.? Я тоже не знаю... Но в итоге война эта финская (или, как ее теперь называют, «зимняя») началась.

И сразу же обозначилась масса проблем и просчетов в

---

⁴⁷ Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составитель Ф. Мартенс. Трактаты с Францией. 1807 – 1820. СПб. 1905. Т. XIV. С. 40 – 41.

подготовке и службе наших войск. В конце 1939 – начале 1940 гг. на первом этапе боев Красная армия понесла чувствительные потери больными и обмороженными. Никто к такому развитию событий не был готов. Работа тыла провалилась. Солдаты недоедали. В добавление к этому еще и неудачное наступление, обернувшееся большой кровью для атакующих. Моральный дух личного состава упал, дисциплина зашаталась.

Хотя, естественно, были и другие примеры. На особом положении по-прежнему оставались летчики и танкисты. «Нас одели по первому разряду – у всех валенки, подшлемники, ватные брюки. Нас прекрасно снабжали, – вспоминает командир танка Иван Владимирович Маслов (на финской – с декабря 1939 г.) – Танкистам выдавали шпик, колбасу, каждый день мы получали спирт. Не было проблем с махоркой и папиросами. Одним словом, снабжали нас великолепно»⁴⁸.

Рассказывают, что будущий нарком обороны С. К. Тимошенко, принявший в крайне сложной обстановке командование советскими войсками, начал не с закручивания гаек и расстрелов. Командарм 1 ранга приказал установить на всех перекрестках лесных дорог армейские палатки для обогрева и походные кухни. И кормить, кормить всех, кто проходит или проезжает, без ограничения, не спрашивая продовольственных аттестатов или иных документов. Не знаю: наливали или нет «наркомовские», но настроение в войсках мгновенно

---

⁴⁸ Я помню. Интернет-ресурс.

венно изменилось.

Любопытно, что именно чрезмерное расходование, по мнению интендантов, продовольствия вызывало нарекания в адрес С.К. Тимошенко со стороны начальника снабжения РККА корпусного комиссара А.В. Хрулева⁴⁹, который, выступая в апреле 1940 г. (т.е. уже после окончания войны с Финляндией), на одном из совещаний говорил: «В результате отсутствия данных о численности [войск] было тяжело снабжать Ленинградский военный округ и северные армии. С тов. Тимошенко у нас были расхождения буквально на 200 тыс. едоков. Мы держались своей, меньшей цифры. Но у меня, товарищи, не было никакой уверенности, что прав я, не окажется ли, что он будет прав, у него на 200 тыс. больше, а потом начнут голодать... И Генеральный штаб численности действующей армии не знал в течение всей войны и не знает на сегодняшний день...»⁵⁰

Хрулев списывал эти расхождения в цифрах на неразбериху в войсках. Скорее всего, он знал реальное положение дел, что продовольствие шло на неограниченное кормление бойцов, но не хотел ссориться с набравшим тогда силу будущим маршалом Тимошенко.

---

⁴⁹ Хрулев Андрей Васильевич (1892 – 1962) – советский государственный и военный деятель, начальник Финансового управления Красной Армии (1934 – 1936), начальник Управления снабжения Красной армии во время войны с Финляндией, начальник Главного управления тыла НКО; министр путей сообщения. Генерал армии.

⁵⁰ Журнал «Власть», №41 за октябрь 2014 г. С. 65.

В Финляндии о войне с СССР хорошо помнят и сегодня. И это их право, ведь следует признать, что сражалась финская армия отчаянно, самозабвенно. Есть чем гордиться. Но вот начинать в 1941 г. совместно с гитлеровцами т.н. войну продолжение, вряд ли стоило. Чем закончилась та война и для Берлина, и для Хельсинки хорошо известно. Только вот многие уроки с годами, как-то забылись, сменились поколения, и опять выиграло уязвленное самолюбие. Но вернемся к нашей основной теме.

Капитан Янов Николай Валентинович, командир батальона тяжелых танков 20 танковой бригады им. С.М. Кирова, был взят в плен финской стороной при попытке штурма линии укреплений на Карельском перешейке 17 декабря 1939 г. При нем финны с удивлением обнаружили значительную сумму денег в банковской упаковке, которые были у него рассованы по всем карманам. Как пояснил Янов, это только часть денег – еще больше – целый мешок – осталось в танке Т-28. Якобы, это было денежное содержание личного состава батальона, которое он не успел выдать накануне наступления.

Когда в глубине обороны противника был подбит танк Янова, то он не только сам без сопротивления сдался финнам, но и привел с собой группу своих подчиненных. Не все последовали за предателем: один из офицеров предпочел застрелиться, воспользовавшись тем, что его не обыскали. В плену Янов пошел на полное сотрудничество с финской раз-

ведкой, выложив все, что только знал. Более того, он даже встречался с представителями британской армии, дав полную картину положения дел в танковых войсках РККА. Следует отметить, что Янов был весьма странным человеком: за несколько дней до этого он застрелил командира роты из своего же батальона, которого ночью по ошибке принял за финского диверсанта. Сам же Янов утверждал, что офицера убили разведчики противника. Командование замяло дело, сделав вид, что поверило Янову⁵¹.

Понятно, что подобное положение, когда в бой офицеры должны были идти, имея значительные суммы денег, было нетерпимо. Вот эти вопросы и призваны были решать полевые учреждения Государственного банка СССР, благо опыт в работе полевых казначейств в действующей армии в русской истории был. И были еще живы люди, которые знали эту работу и могли воплотить необходимую систему финансового обеспечения в условиях современной, механизированной армии. Уже тогда в НКО хорошо понимали стимулирующую функцию денег в ходе военных действиях.

По воспоминаниям ветеранов, награжденным за финскую войну военнослужащим, были положены специальные денежные премии. К медалям «За отвагу», пишет в автобиографической повести поэт-артиллерист Михаил Дудин, «выдали по триста рублей и по триста рублей нам всем дали как участникам войны... Мы богачи, братцы». После посе-

---

⁵¹ Иринчеев Баир. Танки в зимней войне. Интернет-ресурс.

щения раненого друга в госпитале, было отмечание счастливого возвращения живыми в пивной на Литейном: водка с пивом. Результат ожидаем – торжество кончилось дракой, комендатурой и гауптвахтой. Но на Садовой, ниже младшего лейтенанта, не принимали: фронтовики, получив деньги, гуляли по всему Ленинграду. Молодые защитники Родины наказание отбывали при части, уже на гарнизонной «губе» на советской военной базе на финском полуострове Ханко⁵².

Следует сказать, что со всеми подарками в госпиталь раненому товарищу, выпивкой, а это был самый дорогой коньяк «ОС» – «особо старый», и отмечаниями друзья на троих потратили 290 руб. Так что деньги, надо понимать, они получили неплохие⁵³.

Наш знакомый И. В. Маслов к лету 1941 г. был уже старшим механиком-водителем, «старшим сержантом, готовился к демобилизации. Получал жалованье – 230 рублей, собирал себе деньги на гражданский костюм...»⁵⁴. Предвкушал, как объявится в обновке в родном доме, широко отпразднует возвращение со службы и с победоносной войны (об остальном особо распространяться не полагалось) – «Красная Армия всех сильнее...» Не житуха, а песня!

И не ведомо было ни Ивану Владимировичу, ни его боевым товарищам, только что вышедшим из кровавых боев

---

⁵² К истории советской военно-морской базы на Ханко мы еще вернемся.

⁵³ Дудин Михаил. Где наша не пропадала. Интернет-ресурс.

⁵⁴ Я помню. Интернет-ресурс.

с финской армией, что в высоких кабинетах за закрытыми дверями и задвинутыми наглухо шторами идет напряженная умственная работа, где специально обученные люди – специалисты по мобилизации («мобики» на штабном жаргоне) во всю скрипят перьями и тарахтят на пишущих машинках, готовясь к новой войне. Они миркуют, как не только вооружить, прокормить и одеть армию, но и обеспечить ее личный состав денежным содержанием, причем таким образом, чтобы не подорвать экономику и не разогнать инфляцию. Еще свежи в памяти народа были тогда слова из навязчивой песенки 1920-х: «Залетаю я в буфет, ни копейки денег нет, разменяйте десять миллионов...»⁵⁵

Вот тогда-то вновь вспомнили об опыте «кровавого царского режима». Выяснилось в решении этих проблем: без полевых казначейств по типу, существовавших в Русской императорской армии, опять никак не обойтись.

Отдельно остановлюсь на роли полевых учреждениях Госбанка СССР в Прибалтике, где ситуация отличалась от вышеописанных операций. Оставим в стороне политическую сторону этого вопроса, а также те многочисленные договоры и соглашения СССР с этих правительствами республик, согласно которым соединения РККА получили правовую основу для дислокации на военных базах в Литве (16 стрелковый корпус), Латвии (2 стрелковый корпус) и Эстонии (65 стрелковый корпус). А это десятки тысяч военнослужащих.

---

⁵⁵ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. (Глава IV).

Незамедлительно встал вопрос об обеспечении их местной валютой и денежным содержанием. Для решения этих задач и были вновь сформированы полевые учреждения Госбанка. Однако их работа велась в условиях мирного времени, а круг банковских операций был совсем иным, чем в рассмотренных ранее случаях. По этой причине курировало сеть Управление иностранных операций Госбанка СССР (УИНО).

Итак, очень коротко. Полевые учреждения оперировали в четырех валютах: рубль, лит, лат и крона (думаю и так понятна страновая принадлежность денег). Круг услуг был довольно значительный, поэтому я остановлюсь только на личном составе, а это, повторим, десятки тысяч людей.

Денежное содержание личному составу РККА частично выдавалось в местной валюте: 25% в сухопутных войсках и 18% в ВМФ полагалось начальствующему составу и сверхсрочнослужащим; рядовому и сержантскому составу, независимо от ведомственной принадлежности, поровну – 25% оклада в валюте. Оставшуюся часть денежного содержания военнослужащие могли получить при пересечении границы наличными, либо дать поручение о переводе родственникам в Союзе.

Помимо выдачи наличных финансовым органам частей и соединений на хозяйственные расходы и выплату денежного содержания, полевые кассы открывали военнослужащим по их желанию счета в рублях и местной валюте, в подтверждение чего выдавались расчетные книжки по вкладам (прошу

обратить внимание на название, это важно) – отдельно в рублях и валюте. Допускалось размещение депозитов, в том числе срочных (не менее 6 месяцев). По ним начислялись 5% годовых, в отличие от 3% по другим вкладам, которые присоединялись к остатку вклада в конце года или при выдаче всей суммы наличными. Обмен рублей на местную валюту не допускался, но их можно было переводить в Союз. На вкладчиков полевых банков распространялись права клиентов государственных трудовых сберегательных касс (сохранность, тайна, неприкосновенность вклада, освобождение от обложения налогами доходов по вкладам). При вхождении республик в состав СССР активы и пассивы передавались стационарным структурам Госбанка СССР, а сами полевые учреждения ликвидировались⁵⁶.

Итак, границы Советского Союза значительно расширились. Многие военнослужащие и члены их семей очутились, как бы, за границей, почти что при капитализме. В Кремле понимали, что не стоит особо спешить с внедрением принципов плановой экономики туда, где люди привыкли к рыночному снабжению, можно сказать, изобилию потребления. Ведь даже в официальных документах, пусть и секретных, нет-нет да и мелькнет указание на дефицит товаров. И даже председатель Правления Госбанка СССР Н. А. Булганин⁵⁷

---

⁵⁶ 60 лет полевым учреждениям Центрального банка Российской Федерации. М., 2001. С. 8 – 18.

⁵⁷ Булганин Николай Александрович (1895 – 1975) – маршал Советского Сою-

был вынужден констатировать, что в 1940 г. из 15,7 млрд руб., находившихся на руках у населения, «около 4 млрд рублей, осевших преимущественно в деревне, представляют собою неудовлетворенный спрос на товары и дают на состояние товарного рынка»⁵⁸.

Да и статус наших войск поначалу был разный, в Прибалтике – располагались лишь военные базы, при внешнем сохранении определенной самостоятельности местных властей. Служить сюда отбирали только лучших. Соответственно и обеспечивали. Так, 30 сентября 1939 г. нарком обороны Ворошилов⁵⁹ предписал относительно экипировки частей, вводимых в Эстонию: «Войска хорошо обмундировать, обратив должное внимание на качество и пригонку»⁶⁰.

Конечно, меня могут упрекнуть, что все было намного сложнее, что слишком упрощенно излагаю ситуацию, с чем я совершенно не намерен спорить. Но иначе – этому следовало бы посвятить слишком много внимания. Я же рассматриваю

за, человек из ближайшего окружения И.В. Сталина. Председатель Совета Министров (1955 – 1958); председатель Правления Госбанка СССР с 1939 г. по апрель 1940 г., затем с октября 1940 г. по 1945 г. и в 1958 г.; министр Вооруженных сил СССР (1947 – 1949), министр обороны СССР (1953 – 1955) и т.д.

⁵⁸ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М. 2012. Вып. № 13. С. 69.

⁵⁹ Ворошилов К.Е. занимал должность наркома обороны по 6 мая 1940 г. После чего был назначен заместителем председателя СНК и председателем Комитета обороны.

⁶⁰ Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М. 2020. С. 260.

строго ограниченную тему, всеми силами стараясь не отвлекаться. Кто заинтересуется подробностями этих событий и процессов, то найдет. Литературы на любой вкус и уровень знаний на сей счет предостаточно.

А как влияло изменение ситуации на границах СССР на женскую часть воинских коллективов – членов семей, ведь жены начальствующего состава были неотъемлемой и крайне важной их составляющей? Можно сказать, владели мыслями и чувствами командиров. «Многие уже успели прислать посылки, как, например, муж Дуси Апанасенковой. Мы все ходили смотреть, какие у нее теперь красивые туфли по 12 рублей. У нас и за 200 таких не купишь. Шелк на платок по 5 рублей. Прямо как в сказке, все только рты разевали на такие диковинки. Говорят, поляки жили богато. Убегая, они оставляли все на местах, полные гардеробы, буфеты и даже обеды с полной сервировкой. Ничего нам не надо. Лишь бы скорее все это кончилось, и наши мужья скорей бы вернулись к нам»⁶¹. Записала в своем дневнике 8 октября 1939 г. супруга красного командира Лидия Безрукова, чей муж в то время также участвовал в освободительном походе.

Вот вам и тлетворное влияние вещизма. Еще не «обуржуазивание», но уже что-то похожее. Хотя не это главное – жены рвались к мужьям, все равно куда, лишь бы вместе. И вот

---

⁶¹ Людмила Безрукова. «Просто голова шла кругом...» Дневник жены красного командира о жизни и быте офицерской семьи в предвоенный 1939-й год. Родина. 2016. № 10. С. 122 – 126.

свершилось...

Особенно успокаивающе на настроения командиров влияло присутствие рядом семей: многие за последние годы жен почти и не видели. А здесь... «Кипучая жизнь рижских улиц, блеск магазинных витрин, изобилующих различными товарами, просторные, хорошо оборудованные квартиры настраивали на мирный лад не только приехавшие в Ригу семьи, но и самих командиров и ответственных советских работников»⁶², – рассказывает об обстановке в частях военных инженер П. В. Афанасьев⁶³.

К тому времени «выпустился» из училища и курсант В.И. Клименко. Получил распределение фактически за границу: в Шауляй, в истребительный полк! Выпускников Чугуевского училища «...зачислили в штат на должности летчиков-истребителей с окладом 850 рублей в месяц и закрепили в столовую полка, расположенную здесь же, в гарнизоне, где мы завтракали и обедали. Ужинали мы в городе, в столовой гарнизона. Из 850 рублей нам платили лишь ¼ зарплаты в литвах, что вполне хватало на жизнь. Остальные деньги перечислялись в рублях в пограничный таможенный банк, и, когда мы отправлялись домой в отпуск, мы их получали при пе-

---

⁶² Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. М. 2017. Том. 1. Интернет-ресурс.

⁶³ Афанасьев Павел Васильевич (1903 – 1960) – генерал-майор инженерных войск, выпускник Военно-инженерной академии (1936). С октября 1940 г. заместитель начальника, начальник 1-го отдела инженерного управления войск Прибалтийского особого военного округа.

ресечения границы на таможене. В то время как в России все товары, в том числе даже хлеб, отпускался только по карточкам, и страна жила бедно, а в Литве в магазинах было изобилие еды и товаров». Молодой летчик прикупил себе очень красивые «заграничные», как он думал, туфли, которые в итоге оказались изделием фабрики «Парижская коммуна», и швейцарские часы «Лонжин», которые действительно были швейцарскими. А вот, что касается реглана, о котором грезил Виталий Иванович, то его так и не выдали: в полку не оказалось в наличии⁶⁴. Наверное, кто-то из интендантов отблагодарил столь дефицитной вещью кого-то из нужных людей.

Определенную роль сыграли полевые учреждения в ходе возврата земель Бессарабии и северной части Буковины, ранее отторгнутыми Румынией. Здесь их роль сводилась в основном к вводу в обращение советского рубля и обмену румынского лея, утратившего силу законного платежа.

Мне приходилось много раз беседовать со многими участниками тех событий, которые однозначно подтверждали, что местное население в подавляющем большинстве, если не радостно, то вполне лояльно и с пониманием относилось к вводу войск СССР. Исключение, конечно, составляет Финляндия, где бои были кровавыми, пока противостоящая сторона практически утратила волю к сопротивлению, причем этот

---

⁶⁴ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

слоем произошел как-то очень быстро, без переходов. В то время, как в наших войсках решение прекратить военные действия было встречено солдатами и офицерами, мягко говоря, с непониманием, а кое кто не побоялся открыто выразить свое недовольствие этим решением советского правительства –люди были готовы громить противника до конца. Конечно, я пишу это лишь со слов моих собеседников, но они так рассказывали, и я не вижу им смысла кривить душой. Они так помнили.

А в штабах уже готовились к новой войне. Пока в основном на картах, а также совершенствуя нормативную базу по итогам предыдущих кампаний.

(Врезка по тексту)

Из «Положения о полевых учреждениях Госбанка СССР» от 09 августа 1940 г:

«Финансовое обслуживание войсковых частей и учреждений Красной Армии на театре военных действий в кассовом и расчетном отношении осуществляется полевыми учреждениями Госбанка Союза ССР». (п. 1)

«Полевые учреждения Госбанка в военно-административном отношении подчиняются командованию соединений, при которых они состоят, через начальника финансового отдела (отделения) соединения, а в своей оперативной работе – соответствующему вышестоящему органу Госбанка». (п.8)

«В случае обнаружения в полевых учреждениях Госбанка злоупотреблений или растрат виновные в этом лица привлекаются к ответственности по законам военного времени». (п. 11)

«Полевые кассы Государственного Банка производят следующие операции:

Л) прием выручки полевых военторгов;

Н) прием и выдачу вкладов военнослужащих;» (п. 13)

«...На полевые отделения Госбанка возлагается:

А) выпуск денег в обращение по разрешениям полевой конторы Госбанка и изъятие денег из обращения.» (п. 19)

«...На полевые конторы Госбанка возлагается:

А) выпуск денег в обращение и дача разрешений подотчетным полевым отделениям на выпуск денег в обращение на основании разрешения Правления Госбанка, а также изъятие денег из обращения.» (п. 24)

(конец врезки)

Хотя от жизни не спрячешься. «Слухи о близости начала войны Германии с Советским Союзом полетели еще настойчивее. Однако, несмотря на все толки и все симптомы,

свидетельствующие о готовящейся немцами войне, чувство близости ее как-то притуплялось в быту»⁶⁵, – рассказывал о настроениях комсостава в то время военный инженер П. В. Афанасьев.

Сделаем поправку на то, что писал эти строки Павел Васильевич в июле 1953 г. – формально еще находясь на действительной военной службе. Подчеркнул при этом, что, «как и всякое воспоминание, все изложенное мной является только описанием того, чему сам был очевидцем, а также субъективным восприятием свершившегося, которое не может претендовать на всестороннее и полное освещение происходивших событий».

К тому времени РККА уже познакомилась с вермахтом в Польше. Правда, на первый раз разошлись почти что мирно. В Гродно встретились с немцами, делится своими воспоминаниями танкист Яков Яковлевич Коваленко: «Стояли мы довольно долго и даже вышли из танков. Немцы на нас тоже не обращали внимания, солдаты спокойно и не таясь грабили магазины, вынося и складировав в грузовики все, что попадало в руки ценное. Мне запомнилось, как один фашист, согнувшись в три погибели, нес швейную машинку на станине. Она, очевидно, была очень тяжелая, и он кое-как загрузил ее сам в грузовик. После разграбления торговых площадей

---

⁶⁵ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. М. 2017. Том. 1. Интернет-ресурс.

колонна немцев уехала в западном направлении»⁶⁶.

Что касается генерал-майора П. В. Афанасьева, то его сдержанность в определениях понятна: чувство самооценки у высокопоставленных военных того времени было развито чрезвычайно. Но все же он рискнул уже тогда, когда еще были свежи воспоминания о массовых репрессиях, рассказать о многом том, о чем другие предпочитали помалкивать.

Понятно, что войскам надо было осваивать новый театр военных действий, обустроиваться, строить укрепления и создавать новые рубежи обороны, пополнять склады боеприпасов. Прежние укрепрайоны, доты и позиции остались на «старой» границе. По всем рубежам развернулись невиданные по масштабу инженерные работы.

И здесь наступило затмение... в головах. Боевые части превратились в землекопов. Боевая подготовка была позабыта-позаброшена: «Все перед собой видели только кубометры бетона и финансовый план, сроки строительства, а на саперов смотрели только как на «дармовую рабочую силу», которую не надо было вербовать, оплачивать проезд, организовывать проживание и питание, выслушивать претензии месткомов. А военным строителям не выдавали даже оружия. Одним словом, прибалтийский курорт»⁶⁷.

И советские военные наслаждались прелестями этого бла-

---

⁶⁶ Я помню. Интернет-ресурс.

⁶⁷ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. М. 2017. Том. 1. Интернет-ресурс.

голепия. Жили на квартирах у литовцев. За постой платил БАО⁶⁸, продолжает свой рассказ летчик В. И. Клименко: «Знакомились и встречались с местными девушками, а те были и не против состоятельных и молодых русских военных, да еще и симпатичных. Благо средства позволяли летчикам и в кафе со своей пассией зайти, и в кино ее сводить, а то и пикник с шампанским организовать. Хотя сами лейтенанты иногда пробовали тогда это самое шампанское впервые в жизни»⁶⁹.

Да, за этот курортный расслабон войскам Прибалтийского Особого военного округа пришлось потом расплачиваться большой кровью. А некоторым генералам и жизнью.

Но эти проблемы были в будущем, их никто не предвидел, а потому они мало кого волновали. Красивая и легкая жизнь требовала денег, а жены и подружки обновок и ужинов в ресторанах. Войска, точнее часть командования, обуяла погоня за рублем: «Командиры частей и подразделений зачастую назначались на дополнительно оплачиваемые на строительстве должности начальников циклов, смен, бригадами и прорабами на отдельные объекты и со своими подчиненными не только не занимались, но нередко и не общались даже». Большинство было только радо избавиться от проведения боевой подготовки, от которой одни только неприятно-

---

⁶⁸ Батальон аэродромного обслуживания.

⁶⁹ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

сти по службе, особенно в случае травматизма подчиненных. В итоге офицеры инженерных войск буквально рвались на возведение укреплений.

«Здесь, именно на оборонительном строительстве, – раскрывает суть происходившего перевоплощения командиров в «красных бизнесменов» П. В. Афанасьев, – они действительно становились самостоятельными начальниками, имеющими в своем распоряжении большие штаты строительных отделов и управлений начальников строительных, за счет которых могли содержаться секретари, порученцы, машины. Здесь в итоге полугодовой и годовой работы давались награды при выполнении планов строительства. Наконец, с начинжем, распоряжающимся миллионными средствами, и считаются даже в округе по-иному, раз-два в месяц, а то и неделю, заслушивает доклады Военный совет, запрашивает генеральный штаб, а боевой подготовкой сапер и инженерной подготовкой войск по полгода, от одного приказа до другого, никто не вспоминает даже»⁷⁰.

Еще раз хочу напомнить уважаемым читателям, что это пишет действующий генерал в 1953 г., а не в годы «перестройки и гласности».

Следует отметить, что к началу войны денежное обращение в СССР было стабильным, а наличная масса денег имела устойчивую тенденцию к сокращению при относительно

---

⁷⁰ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. М. 2017. Том. 1. Интернет-ресурс.

стабильных ценах, в т. ч. и на колхозных рынках, и неплохом, каким бы странным нам это утверждение сегодня не казалось, ассортименте товаров в государственной и кооперативной розничной торговле. Первое полугодие 1941 г. характеризовалось «значительным оздоровлением денежного обращения». Благоприятное соотношение между доходами и расходами населения позволило за май-июнь сократить количество денег в обращении на 3,7 млрд руб., а по сравнению с июлем 1940 г., когда этот показатель достиг максимума, денежная масса сократилась на 7,4 млрд руб. и составила 18,4 млрд руб. В стране наблюдалось значительное снижение цен на колхозных рынках, а по некоторым товарам даже появились затруднения в сбыте⁷¹.

---

⁷¹ По более поздним данным, относящимся к 1942 г., на 21 июня 1941 г. этот показатель составил 19,4 млрд руб. (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М. 2008. Вып. №5. С. 6 – 7, 16.)

Суровое начало

«Воевали немцы толково, умело и храбро».

Ефим Абелевич Гольбрайх,

офицер-пехотинец

22 июня 1941 г. было воскресенье. Выходной. Отдыхали до полудня. Затем благодать летнего дня искорежило радио – выступил В.М. Молотов⁷². Началась война. Уже для всей страны, а не только для западных, приграничных областей, где кровавая жатва уже развернулась во всю.

Войну ждали, но в нее сразу не поверили. А что, если это лишь провокация? – сверлил червь сомнения мозг каждого старшего командира. Ведь у всех свежи в памяти были случаи, когда за задержание немецких разведчиков в сентябре 1939 г. в Польше наших командиров не поощряли, а строго наказывали. Мало, кто решился немедленно дать приказ открыть ответный огонь: никто не хотел брать на себя ответственность. «Чего боялись?» – как бы в раздумии, сам себя переспрашивает летчик В.И. Клименко. – Так, разжालуют». Вот и Виталий Иванович, самовольно взлетев утром 22 июня на истребителе и выполнив штурмовку на своем И-16 по немецким колоннам, больше всего опасался именно

---

⁷² Молотов/Скрябин Вячеслав Михайлович (1890 – 1986) – на тот момент председатель СНК и народный комиссар иностранных дел СССР.

этого. И не без основания – за своеволие его под арест: «Твою мать! Два кубика-то слетят, разжалуют нафиг! Я же только в отпуск домой съездил! Лейтенант! Девки все мои были! А теперь рядовым! Как я домой покажусь?» До чего же не хотелось старшим командирам признаться самим себе, что началась война, хотя уже самолеты всюду горели на аэродроме – стоило только выглянуть в окно из штаба. Но не хотелось переходить из состояния расслабленного комфорта буржуазной жизни в реальность войны»⁷³.

А что народ? Предчувствовало ли население приближение войны? Полагаю, что да. Интуитивно, но ждали. Почему я так решил? Об этом говорит рубль. Ибо с 1 января по 21 июня 1941 г. вкладчики сняли со своих счетов в сберкассах 448,5 млн руб. Это всего лишь примерно в 4 раза меньше, чем этот же показатель за вторую половину года – 1849,4 млн руб.⁷⁴ Т.е. по сравнению с тем временем, когда население в ажиотажном порядке любыми способами пыталось обналичить свои сбережения. Деньги также снимали мобилизованные, чтобы оставить семьям. Именно такие же процессы наблюдались в России в 1914 г. накануне начала Первой мировой войны, когда из оборота внезапно исчезла золотая монета. Мудрость нашего народа велика.

К началу Второй мировой войны стало очевидным, что

---

⁷³ Я помню. Интернет-ресурс.

⁷⁴ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М. 2012. Вып. № 13. С. 69.

одной из главных задач полевых учреждений становится регулирование денежного обращения в зоне боевых действий, контроль размеров эмиссии наличных, сопровождающей начало любой мобилизации, смягчение инфляционного удара, вызванного возникновением чрезвычайной ситуации в экономике в связи с переходом на первоочередное удовлетворение военных нужд, сокращением производства потребительских товаров и, как следствие, неизбежным ростом цен.

Судя по датам на документах, уже в январе 1941 г. территориальные подразделения Государственного банка СССР начали формировать на случай мобилизации штаты полевых контор при штабе фронта, отделений при армии и полевых касс Госбанка (ПКГ) при дивизии/корпусе военного времени. Правления Госбанка СССР одобрило специальное совершенно секретное указание по этому вопросу⁷⁵. К этой работе было привлечено свыше тысячи сотрудников республиканских и областных контор Госбанка.

Территориальные подразделения Госбанка получили временный штат №049/33 полевого отделения Госбанка СССР (ПОГ) при штабе армии и штат №04/16 полевой кассы Госбанка (ПКГ) при дивизии (корпусе) военного времени. 17 марта поступило совершенно секретное указание Правления Госбанка СССР № М-355 сс от 20 февраля 1941 г., вводившее в действие уже известное нам «Положение о полевых учреждениях Госбанка СССР», утвержденное постановле-

---

⁷⁵ Указание Правления Госбанка СССР №М – 355 сс от 20.02. 1941 г.

нием Совнаркома СССР №1419 – 556сс от 09 августа 1940 г. Обращает на себя внимание тот факт, что указанное постановление СНК было принято более чем за полгода до того, как его довели до сведения территориальных учреждений Госбанка. Чем вызвана подобная медлительность? – не ясно. Однако в сложных условиях предвоенного периода такие действия центрального аппарата Правления Госбанка СССР трудно объяснить. Возможно, боялись прослыть «паникерами».

В Государственном банке СССР знали, что делать случись война. Но, наверное, как и все мирные люди, надеялись, что этот день не настанет, и мобилизационные планы, так и останутся просто документами, аккуратно подшитыми в делах, а не практическим руководством к действиям. Надежды не оправдались.

В мобилизационных делах и поныне хранятся специальные формы, в которые вписаны фамилии сотрудников Госбанка. Именно этим людям в случае объявления о переходе страны на военное положение надлежало убыть в составе уже сформированных полевых учреждений к месту дислокации соединений, которым они придавались. Аналогичные формы имелись и в военкоматах.

Конечно, война внесла свои жесткие коррективы в довоенные планы. Многие из них так и остались на бумаге, но уже 22 июня 1941 г. сотрудники Госбанка, особенно в приграничных районах, начали прибывать к заранее определен-

ным местам развертывания полевых учреждений. Однако зачастую указанные в предписаниях пункты уже были захвачены противником. Некоторые из них погибли или попали в плен, но многие упорно, неделями, а то и месяцами шли по тылам противника за уходящей все дальше на восток линией фронта, верные своему долгу, стремясь выполнить задачу, возложенную на них Госбанком СССР. И что самое удивительное, это им удавалось. Хотя на момент начала войны большинство банковских сотрудников даже не имело воинских званий, и формально они оставались гражданскими людьми. А ведь могли потихоньку вернуться домой и отсидеться в тепле и уюте, пока не придет освобождение.

Особо тяжелое положение сложилось на Западной Украине, в районе Львова, и в Прибалтике. Вот когда войскам Прибалтийского Особого военного округа пришлось рассчитывать за просчеты предвоенных недель и почти что курортный режим несения службы. И хотя нельзя отрицать, что для подготовки к отражению вторжению было сделано немало, почему-то особенно в последние дни был принят ряд решений, резко ослабивших оборону. Один из таких фактов настолько вопиющий, что я не могу его не привести. Но здесь, как водится, в дела оборонные вмешались финансово-экономические особенности места дислокации войск: в Прибалтике еще сохранялась частная собственность на землю.

«При отрыве траншей или противотанковых рвов все время возникали недоразумения с населением из-за потрав или

земельных участков, – вспоминает военный инженер П. В. Афанасьев. – В ряде случаев, вместо соблюдения требований выгодного расположения позиций, основной целеустремленностью становилась забота о том, как бы не затронуть интересы какого-нибудь крестьянина и не вклиниться с окопом или противотанковым рвом на принадлежащий ему клочок земли». А перед самой войной, а точнее 18 июня, **по личному распоряжению командующего округом** [выделено мною – С.Т.] были сняты минные заграждения на границе, поскольку корова частного забрела на минное поле и подрвалась. Скандал был грандиозный. Приказ был выполнен, и 21 июня мины уложены в штабеля...»⁷⁶ Оно и понятно – за ущерб надо платить, а где взять деньги? Ясно, что из государственных средств. А кто за это ответит? Выкладывать денежки из собственного кармана за какую-то корову никому не хотелось... Вот так мелкие финансовые соображение, боязнь мизерных убытков диктовали условия высоким военачальникам, и подрывали боевой потенциал соединений. Такова власть денег в условиях бюрократического понимания заботы об охране интересов социалистического государства. Незыблемый с царских времен принцип поведения и мотивов действий чиновника: за прибыль для казны не похвалят, а за убыток спросят по всей строгости. Не торопись принести пользу государству, что капиталистическому, что соци-

---

⁷⁶ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. М. 2017. Том. 1. Интернет-ресурс.

алистическому.

Но это соображения высшего порядка. А люди на земле делали свое дело.

Уже 23 июня 1941 г. управляющий Киевской городской конторой Госбанка Герасим Васильевич Дидык (в дальнейшем занимал должность заместителя начальника Управления полевыми учреждениями Госбанка СССР) подписал приказ №1, согласно которому формировалось полевая контора Госбанка № 132 (ПК № 132). Ее начальником был назначен техник-интендант 1 ранга⁷⁷ Тимофей Никифорович Анисимов, работавший до момента подписания приказа заместителем управляющего Киевской областной конторой Госбанка. Главным бухгалтером полевого учреждения стал главный бухгалтер городской конторы Госбанка, а также техник-интендант 1 ранга запаса Григорий Филиппович Резник⁷⁸.

Приказ гласил: «Начальнику полевой конторы Госбанка № 132 т. Анисимову и главному бухгалтеру т. Резнику немедленно приступить к приему от городской конторы Госбанка денежных средств, имущества и операционных материалов. Работу по приемке закончить к 18 час. После чего

---

⁷⁷ Техник-интендант 1 ранга – командир среднего начальствующего состава Красной армии; до введения офицерских званий, имел знаки различия, соответствующие старшему лейтенанту, техник-интендант 2 ранга – имел знаки различия лейтенанта.

⁷⁸ Из 13 сотрудников полевой конторы № 132 – 9 до призыва на военную службу работали в Государственном банке СССР.

всему личному составу полевой конторы Госбанка № 132 ... отправиться в распоряжение нач. финотдела штаба КОВО [Киевский особый военный округ. На его базе был сформирован Юго-Западный фронт – С.Т.]. О приеме донести письменным порядком».

Совершенно очевидно, что на раскачку времени не было. Вполне вероятно, что проект приказа был заготовлен заранее, возможно, еще в мирное время. Его составители так торопились, что даже не внесли изменения в номера распоряжений Правления Госбанка СССР по мобилизационным мероприятиям, указав реквизиты уже отмененного к тому моменту документа, датированного еще 1940 г.

Штабу Юго-западного фронта (ЮЗФ), сформированного на украинском направлении, требовались значительные денежные суммы для мобилизации и формирования новых соединений. Так, инспектор конторы техник-интендант 2 ранга Т.П. Карбовский незамедлительно был командирован в Нежинское отделение Госбанка для получения в подкрепление резервных фондов ПК № 132 сначала 40 млн руб., а затем еще 60 млн руб. Учитывая весьма внушительные размеры сумм, можно предположить, что таким образом руководство Украинской республиканской конторы Госбанка пыталось спасти ценности, опасаясь их захвата стремительно продвигающимся противником.

Всего под руководством (или патронажем, как тогда выражались) конторы № 132 в первые же дни войны развора-

чивалось 3 полевых отделения (действовали при армиях) и 9 полевых касс (при штабах корпусов, дивизий или отдельных бригад). По некоторым данным, всего в состав ПК № 132, обслуживавшей, как ранее указывалось, войска ЮЗФ, уже в июле 1941 г. входило 4 полевых отделения и 44 полевые кассы.

Следует отметить, что полевые учреждения формировались не только в столице республики. Так, на западном направлении с Львовской областной конторой Госбанка взаимодействовала полевая касса №4 при штабе 6 стрелкового корпуса, в состав которого входили 42, 97 и 159 стрелковые дивизии. По некоторым данным, их обслуживала ПКГ № 402, однако в обнаруженных мною архивных документах значится ПКГ № 4. Что касается ПКГ № 402, то такая касса действительно входила в состав ПК № 132, однако имеются документы указывающие, что только в августе 1941 г. (для нее изготавливалась гербовая печать). К тому моменту 6 стрелковый корпус фактически был разбит, а его командир и начальник штаба попали в плен. Советские войска оставили Львов уже 28 июня. Я специально привожу эти, казалось бы, малозначащие детали, чтобы читатель мог представить, насколько сложной была боевая обстановка, и как мало мы знаем и сегодня о первых днях войны – трагических и героических.

Согласно довоенному мобилизационному плану Ровенской областной конторой Госбанка формировались ПКГ №

96, 347 и 557. Однако в результате стремительного наступления фашистов Ровно, как и Львов, был захвачен противником уже 28 июня, так что указанные полевые подразделения фактически не были созданы. К чести призванных в них из запаса сотрудников Госбанка, многим удалось добраться в Киев, где они вошли в состав ПКГ № 557 (подчинялась полевому отделению № 160). Формировались и другие полевые банки. Так, Полтавской областной конторой была укомплектована полевая касса Госбанка № 115.

Полагаю, необходимым назвать имена этих достойных уважения людей, учитывая, что в Западных районах Украины, особенно в Ровенской области, бойцам Красной Армии с первых дней войны часто стреляли в спину. Начальник ПКГ № 557 Георгий Зиновьевич Шевченко, бухгалтер Михаил Михайлович Щербаченко, кассир Василий Никанорович Синкевич (приказ от 11.07. 1941 г. по ПК № 132 при штабе Юго-Западного фронта). Они предпочли идти воевать, а не затеряться где-то на оккупированной территории и выжидать: чья возьмет?

А уже 26 – 28 июня 1941 г. заместитель председателя Правления Госбанка СССР В. Емченко⁷⁹ подписал секретные приказы №№ 12, 13 и 14 о назначении начальников и главбухов 6 полевых контор и десятков отделений. Военные

---

⁷⁹ Емченко Виктор Никитич (1903 – 1959) – советский экономист, заместитель председателя Правления Госбанка СССР с ноября 1940 г. по август 1946 г., затем заместитель председателя Госплана.

банкиры вышли на тропу войны. Ох и нелегкий ждал их путь...

Вот выдержки только из нескольких документов из архива Госбанка СССР.

Назначения:

№14/с от 28.06. 1941 г.

Годерзашвили Николая Семеновича – начальником ПК № 134

Лейбовича Моисея Ароновича – главбухом ПК № 134

№13/с от 26.06. 1941 г.

Малкова Григория Алексеевича – начальником ПК № 143

Макарова Николая Ивановича – главбухом ПК № 143

Сысоева Якова Николаевича – начальником ПК № 430

Печеникина Петра Игнатьевича – главбухом ПК № 430

№12/с от 26.06. 1941 г.

Осипова Александра Ивановича – начальником ПК № 131

Дегтярева Николая Алексеевича – главбухом ПК №131

Анисимова Тимофея Никифоровича – начальником ПК № 132

Резника Григория Филипповича – главбухом ПК №132

Филиппова Владимира Петровича – начальником ПК № 102

Малинкина Дмитрия Васильевича – главбухом ПК №102

И это только полевые конторы. В приказах также много фамилий сотрудников Государственного банка СССР, назначенных начальниками отделений. Многие из этих фамилий нам еще встретятся на страницах этого исследования.

Как видим, несмотря на всю неразбериху начальных недель войны, первые полевые кассы все же, как правило,

были сформированы в основном за счет сотрудников самих же территориальных контор Госбанка и других банковских учреждений. По штату №04/16 полагалось в них быть начальнику (оклад 800 руб.), бухгалтеру (оклад 650 руб.) и кассиру (оклад соответственно 600 руб.). Перечень оборудования более, чем скромный: печати, штемпеля, бухгалтерские и кассовые книги, различные бланки, чековые книжки, железный ящик (или сундук) для денег, стол складной, брезентовые мешки с замками, ручки, перья, сухие чернила, 10 карандашей, перочинный ножик, пломбир, клей с кисточками, шпагат, сургуч, свечи, фонарь «летучая мышь», прочая канцелярская мелочь (а ножницы почему-то вычеркнули, наверное, на всех не хватило). Наличных денег – 200 тыс. руб. Примечательно, что в отдельных случаях при передаче полевых касс в подчинение командованию соединений действующей армии им выделялось до 2 млн руб. наличными. Однако полевым кассам надлежало передать эти суммы в полевые конторы при первой на то возможности.

Суммы по тем временам значительные, поэтому и вооружение присутствовало, «серьезное» – 2 револьвера и аж 28 патронов. Так и пошли на войну. Обыденно. Но в практической работе многое из того, что брали с собой в первые дни, оказалось нефункциональным в полевых условиях. Постепенно избавились от металлических сундуков: уж больно они были тяжелы и неудобны при транспортировке. Деньги и наиболее важные документы стали хранить в ящиках из-под

снарядов. На «кассе» для обеспечения лучшей сохранности обычно спал кассир. Куда как надежно.

Сотрудники, особенно служившие в армии, понимали, что револьвер, да еще с таким мизерным количеством патронов, вооружение крайне сомнительное. А ценности им предстояло охранять и при необходимости, а в боевой обстановке ничего нельзя исключать, оборонять огромные. Многие пытались получить, если не дополнительное вооружение, то хотя бы еще немного патронов. Обращались в вышестоящие штабы, но зачастую нарывались на жесткий отказ: нет, нельзя, не положено, самим не хватает. Мне запомнился ответ начальника службы артвооружения одного пока еще тылового военного округа (!) на письмо Госбанка выделить дополнительно еще 56 револьверных патрона для нужд офицеров из состава отбывающей на фронт полевой кассы. Нет на складах, боеприпасов в обрез! И это в масштабах огромного военного округа не нашлось двух пачек патронов. «Бред», – скажете вы и будете абсолютно правы. Но так было. Бюрократизм процветал. На письмо Госбанка полковник, а то и генерал нашел время ответить, а патронов пожалел.

Война сразу показала свой крутой нрав. Воевали «не малой кровью, на чужой территории», как твердила до нападения немцев советская пропаганда, а на своей земле и огромной кровью.

Тяжелые испытания выпали на долю сотрудников полевых учреждения Юго-Западного фронта, войска которого после

тяжелых и кровопролитных боев были вынуждены в середине сентября 1941 г. оставить Киев. Часть армий, входивших в состав фронта, попала в окружение и была разбита в сражении с противником. Попали в плен или погибли сотни тысяч солдат и офицеров, включая личный состав штаба фронта и его командующего генерал-полковника М. П. Кирпоноса⁸⁰.

Все попытки помочь войскам Юго-Западного фронта оказались безрезультатными. 18 сентября 1941 г. в районе Путивля, где наша авиация пыталась хоть как-то помешать немцам замкнуть кольцо окружения, был сбит и бомбардировщик ДБ-3Ф, который пилотировал Н. П. Жуган. Случай, казалось бы, ординарный. Но здесь приключился инцидент, о котором я не могу не рассказать своим читателям. И вы поймете почему.

«Когда стал на землю, – вспоминал летчик-бомбардировщик уже в наши дни, – увидел, что два фашиста в моем направлении бегут, метрах в 180 от меня. Я бросил парашют и бегом в лес направился. А до него полкилометра примерно было. А бежать трудно, по мне стреляли... Вдруг почувствовал, что мне что-то бежать мешает, по коленям бьет. А это был реглан. А тогда все летчики в нем летали. Я его сбросил и ускорился. Пистолет в руках держал. Вдруг слышу, что стрельба прекратилась. Думаю: «Что такое?» Оглядываюсь,

---

⁸⁰ Кирпонос Михаил Петрович (1892 – 1941) – советский военачальник, генерал-полковник, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной воен. В 1915 г. был призван в русскую армию. Окончил военно-фельдшерскую школу.

вижу: они тянут на себя это пальто кожаное. Каждый себе. Кожанка хорошая была. Даже автоматы бросили. И я спокойно добрался до леса». Когда, пройдя 300 км по тылам немцев Николай Павлович вернулся в свой полк, где его уже похоронили и даже успели жене похоронку послать, то командир ему очень обрадовался, поскольку летчиков почти не осталось».

И Николай Павлович, назло всем смертям, потом еще много летал и бомбил. Всего он совершил 312 боевых вылетов. А это, почитай, каждый раз тонна бомб на голову врага. Его сбивали еще три раза. Но и через много лет ветеран всегда с удовольствием вспоминал этот эпизод из своей фронтовой юности, но при этом неизменно добавлял: «Правда, новый реглан не дали. А тот мне жизнь ведь спас».

А когда Николаю Павловичу исполнилось 95, то начальник штаба авиационной части, где его и в наши дни считали своим, даже стихи написал: «Как я ушел при помощи реглана от фашистов»⁸¹.

Герой Советского Союза, летчик-бомбардировщик 10 Гвардейского дальнебомбардировочного авиаполка генерал-майор Николай Павлович Жуган скончался на 101-м году жизни. И именно 22 июня 2017 г. Такая вот судьба!

Так что неспроста многие мальчишки, бредившие небом, мечтали о реглане. И пусть не все они его получили, но летчиками стали первоклассными. А Николаю Павловичу явно

---

⁸¹ Я помню. Интернет-ресурс.

повезло – его регланом, в отличие от других его коллег, не обделили, благодаря чему этот замечательный человек прожил еще 75 лет, и даже чуток больше. Так, зачастую от честности или мелочной жадности интендантов на войне зависела жизнь человека. А не получи Николай Павлович эту прословутую кожанку?

У полевиков (а именно так почти сразу же окрестили банкиров во фронтовых частях) таких волшебных регланов не было, им-то и форму не всегда выдавали: типа, пусть, вас Госбанк одевает, хотя и должны были.

Так что трагическую участь своих соединений, входивших в состав Юго-Западного фронта, разделили тогда и многие полевые учреждения полевой конторы (ПК) № 132: 40 полевых отделений и касс погибли или пропали без вести в тех боях вместе с личным составом и ценностями. Боевые потери офицеров-банкиров Госбанка только из состава одной фронтовой конторы исчислялись сотнями.

По тем же, кого миновала сия лихая доля, было установлено: «Расследование дел по линии Военной прокуратуры никаких дополнительных материалов не дало, причем привлечение к уголовной ответственности кого-либо из вышедших из окружения или бежавших из фашистского плена найдено нецелесообразным»⁸². К сожалению, таких счастливиц было немного. Так, например, из числа личного состава 4

---

⁸² Из докладной записки Управления полевыми учреждениями руководству Госбанка СССР от 24 февраля 1944 г.

полевых касс уцелели и в конце концов добрались к своим только 4 человека. Судьба остальных 68 служащих неизвестна⁸³.

Увы, таких одномоментных утрат никто не ожидал. Кадровых сотрудников Госбанка Союза ССР, прекрасно подготовленных профессионально, направляли туда, где военкомам надлежало срочно выполнить разнарядку и заполнить штатные клеточки. А в состав полевых касс зачастую попадали случайные люди, не имевшие и малейшего представления даже об азах бухгалтерского учета, не говоря уже о банковских операциях. Надо сказать, что центральный аппарат УПУ разыскивал бывших кадровых работников Госбанка, и упорно добивался их перевода из частей в полевые учреждения для работы по специальности.

В сложившихся условиях перед Государственным банком СССР со всей остротой встала проблема регулирования денежного обращения в стране. Одной из мер в этом направлении явилось создание 22 августа 1941 г. в системе Госбанка СССР Управления полевыми учреждениями. Основной их задачей в первые месяцы войны, вплоть до ноября 1941 г., являлось обеспечение войск наличными средствами, поскольку денежная эмиссия осуществлялась преимущественно в прифронтовой полосе, ближайших к границе районов Украины, Белоруссии, Севера, Северо-Запада и Центра России. Здесь летом 1941 г. через полевые учреждения выпус-

---

⁸³ Полевые кассы Госбанка №№ 234, 363, 399, 585.

калось в обращение до 85% всей наличной денежной массы в стране⁸⁴.

Стало совершенно ясно, что срочно необходимы меры по сокращению эмиссии наличных, увеличению доли безналичных расчетов и организации финансового и банковского обслуживания армии и военнослужащих. Иначе экономике стран грозила мощная инфляционная волна, которая могла стать неконтролируемой. Хочу сразу подчеркнуть, что подобная приоритетность задач изложена мною на основании исследования большой массы архивных документов периода Великой Отечественной войны и, вполне возможно, отличается от того, как цели создания полевых учреждений формулировались в нормативных документах того времени. Однако в дальнейшем я изложу свою аргументацию подобной градации определения степени важности проблем. Поэтому дата создания Управления полевыми учреждениями Госбанка СССР не должна нас вводить в заблуждение: полевые банки начали функционировать практически одновременно с началом боевых действий.

Война, как известно, оставляет мало пространства для человека распоряжаться чем-либо по своему усмотрению. Незамедлительно с началом мобилизационных мероприятий государство идет по пути ужесточения требований к своим гражданам и вводит различные ограничения на все те

---

⁸⁴ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 10.

ресурсы, которые могут понадобиться правительству и вооруженным силам для ведения боевых действий. Важнейшей составляющей, определяющей возможности поддержания необходимого уровня обороноспособности страны, безусловно, являются деньги.

Великая Отечественная война, принеся столько бед нашему народу, не являлась исключением. Уже 23 июня 1941 г. советским правительством был принят ряд мер, направленных на мобилизацию финансовых ресурсов страны на борьбу с фашистскими агрессорами. Некоторые из них были весьма болезненными для населения и касались как личных сбережений граждан, так и ограничений в оплате труда. На второй день войны были введены ограничения по выдаче вкладов из сберегательных касс: в месяц разрешалось снимать не более 200 руб. Исключения делались только для некоторых категорий населения: народные артисты, крупные ученые и известные писатели имели право снимать со своих счетов по 1000 руб. в месяц. Отменялись также некоторые социальные выплаты. Например, призываемым на военную службу из запаса компенсации за неиспользованный отпуск не выплачивались наличными, а переводились на особые счета в сберкассах, которые временно замораживались (эти суммы вернули населению в конце войны). Чувствительно повышались некоторые налоги, вводились новые, например, налог с холостяков, малосемейных и одиноких (5% с зарплаты с 1 ноября 1941 г.).

Уже 22 июня 1941 г. к концу дня ощутимо изменилась ситуация на рынке потребительских товаров. «И вот представь, вчера в магазине еще все было, сегодня все есть, а завтра ничего не стало, – вспоминает командир орудия танка КВ-1 Геннадий Александрович Фуркалов. – Карточки еще не ввели, а магазины уже позакрывали. В продуктовом такие очереди, что надо в списки записываться. Конечно же, в народе смута, тревога, что дальше нас ждет...»⁸⁵

С началом войны, судя по докладной записке председателя Госплана при СНК СССР М. Сабурова⁸⁶ первому заместителю Председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому⁸⁷ «О мероприятиях в области денежного обращения» от 07 апреля 1942 г. коренным образом изменилась и динамика эмиссии денег. С июня 1941 г. до конца года выпуск в обращение новых банкнот составил 16,3 млрд руб. При этом значительно, на 4 млрд руб., вырос фонд заработной платы военнослужащих, которым было в целом выплачено за этот период 12 млрд руб., а также сумма пособий, выдаваемых семьям призванных в Красную Армию (увеличилась на 1,4 млрд руб.)⁸⁸.

---

⁸⁵ Я помню. Интернет-ресурс.

⁸⁶ Сабуров Максим Захарович (1900 – 1977) – председатель Госплана СССР в 1941 – 1942 гг., а затем неоднократно его переназначали то заместителем, то вновь главой этого ведомства. Тасовали, как хотели.

⁸⁷ Вознесенский Николай Алексеевич (1903 – 1950) – первый заместитель председателя СНК СССР в 1941 – 1946 гг. Расстрелян в 1950 г. Посмертно реабилитирован в 1954 г.

⁸⁸ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федера-

Таким образом, если принять во внимание, что к июню вся денежная масса оставляла 18,4 млрд руб., то фактически к концу года этот показатель почти удвоился.

С началом войны объемы эмиссии резко возросли, в первую очередь в результате выплат заработной платы при расчете мобилизованным в Красную Армию резервистам, а также введения новых видов денежного содержания для военнослужащих. При назначении в Действующую армию офицерам (лицам начальствующего состава) выплачивалось единовременное пособие в размере оклада по занимаемой должности или, как называли эти деньги военнослужащие, подъемные.

Кроме того, всем военнослужащим, независимо от воинских званий и должностей, полагались различные доплаты. Так, рядовой пехоты первого года службы имел должностной оклад 8 руб. 50 коп. Следует учесть, что 26 июня 1941 г. приказом №224 Народного комиссара обороны СССР для военнослужащих Действующей армии правительство установило два новых вида денежного содержания: единовременное пособие и полевые деньги. Единовременное пособие выдавалось один раз в течение всего периода войны в размере оклада по занимаемой должности лицам начальствующего состава (т.е. в современном понимании офицерам) и сверхсрочнослужащим (которые таковыми являлись на момент начала войны). Полевые деньги выплачивались ежемесячно: полу-

чавшим оклад содержания до 40 руб. в месяц – 100%, от 40 до 75 руб. – 50%, выше 75 руб. – 25% должностного оклада⁸⁹. Т.о. рядовой пехоты Действующей армии получал 17 руб. в месяц. С офицерским составом ситуация более сложная. Чтобы не вдаваться в детали, то с 23 июня 1941 г. среднему начальствующему составу до капитана включительно до назначения в часть денежное содержание устанавливалось в размере 550 руб., старшему начальствующему составу до полковника включительно – 750 руб., высшему начсоставу – 1000 руб. Конечно, эти цифры весьма условные, ибо зависели от рода войск, региона, различных доплат, но в целом дают представление о размере наличных, которыми располагали военнослужащие.

Вроде бы и небольшие деньги, но, учитывая масштабы мобилизации, [а всего за 1941 – 1945 гг. было мобилизовано около 34,5 млн человек!!!], численность Действующей армии, которая уже в первый год войны заметно превышала 3 млн человек, суммы наличных денег, проходившие через полевые учреждения Госбанка СССР, были огромные, особенно с учетом весьма скромных окладов рабочих и служащих, редко превышавшие 500 руб. в месяц, не говоря уже о колхозниках. К тому же в стране ощутимо были повышены и налоги, доходившие у высокооплачиваемых категорий работников-мужчин (в первую очередь это высококвалифици-

---

⁸⁹ Военная финансово-экономическая служба России. История и современность. М., 2003. С. 186, 183.

рованные рабочие и инженеры оборонных заводов) до 50%.

Но положение в первые месяцы войны было настолько тяжелое, что поначалу на размеры эмиссии особого внимания не обращали, ибо имелся неплохой запас прочности с довоенных времен. К тому же большие суммы наличных войска получали на закупки продовольствия на местах, оплату иных услуг со стороны местных органов власти и населения. Очень дорого обходилась и эвакуация на восток страны не только людей, но и целых заводов, культурных ценностей, поголовья скота. Кроме того, на полевые учреждения Госбанка, которые в военно-административном отношении подчинялись командованию соединений, при которых они состояли, возлагалась ответственность за оприходование, сохранность и эвакуацию ценностей местных предприятий и органов власти при отступлении. Командиры подразделений при оставлении населенного пункта противнику были обязаны изъять наличные из касс гражданских учреждений, вплоть до продовольственных лавок, и сдать их при первой возможности в полевые кассы Госбанка. Мне при работе в архивах приходилось видеть немало таких актов.

К тому же многие офицеры, не будучи уверенными в собственной судьбе, зачастую приносили военным банкирам личные средства погибших товарищей, прося вернуть деньги их семьям. Это была абсолютно законная операция, поскольку полевые учреждения имели право открывать личные счета всем военнослужащим своего соединения, но на

сумму не свыше 2000 руб. Вкладчикам при этом выдавались расчетные книжки на вклад. Однако поначалу на этот счет существовали различные ограничения, что не делало этот вид услуги привлекательной для военнослужащих. Например, разрешалось снимать средства только в той кассе, где был открыт вклад, деньги нельзя было пересылать и т.д. А это было крайне неудобно.

По оценкам, приведенным в записке от 14 ноября 1942 г. заместителя председателя Правления Госбанка СССР В. Емченко в адрес заместителя председателя СНК СССР В. Молотова, «...мероприятия по увеличению безналичных переводов и вкладов среди военнослужащих дополнительно сократили потребность в эмиссии за этот период [с начала войны – С.Т.] на сумму более 1 млрд руб.»⁹⁰ Для себя отметим, что на первое место в документе вновь поставлены «безналичные переводы».

Откровенно говоря, военных банкиров в этом трудно было винить. Сражения первых месяцев войны были настолько ожесточенные, и темп перемещения войск столь высоким, что говорить об организации нормальной работы по обслуживанию нужд личного состава в финансовых услугах крайне проблематично. Я уже отмечал большие потери полевых касс Госбанка в составе Юго-Западного фронта в окружении под Киевом. Всего же в течение 1941–1942 гг. там погибли

---

⁹⁰ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 16.

Вот что рассказывал о тех тяжелых боях в районе Кременчуга командир 297 стрелковой дивизии⁹¹ полковник Афанасьев: «12 сентября 1941 г. противник в составе двух дивизий и танковой группы генерала Клейста перешел в наступление и прорвал наши боевые порядки. Танки противника в количестве до 250 штук стремительно двинулись на тылы дивизии и совершенно парализовали их работу. Я лично подъехал на автомобиле и приказал тыловым учреждениям, в том числе и полевой кассе Госбанка, немедленно отходить, но танки противника следовали непосредственно за моей машиной, и огнем и гусеницами наносили ущерб нашему обозу. Часть машин и гужтранспорта на моих глазах были раздавлены танками. Машина полевой кассы также подверглась обстрелу со стороны танков противника. Личный состав полевой кассы принимал все меры для спасения ценностей, стремясь вывести машину из-под обстрела, но это ему не удалось. Зная обстановку, я не мог предъявить обвинение работникам полевой кассы в пропаже ценностей. Личный состав полевой кассы № 860 за время работы показал себя честными и преданными работниками. Считаю, что предъявить какие-либо обвинения работникам полевой кассы № 860 нет оснований».

---

⁹¹ Дивизия была сформирована в районе г. Лубны в конце июля 1941 г., а уже 6 августа «с колес» вступила в бой.

Похоже полковник Георгий Афанасьевич Афанасьев⁹², кстати, к тому времени уже бывший командир дивизии был честным, да и к тому же не робкого порядка человеком. Ведь, чтобы подписать в то время такое письмо следовало обладать большим мужеством, дабы поручиться за кого-то другого. Ибо время быстрого правосудия и скорых жестоких приговоров еще не прошло. Конечно, вызывает некоторое сомнение количество танков противника, порвавшихся в тылы дивизии, но это не меняет сути повествования командира соединения. Тем более известно, что именно в тот день наш фронт был прорван противником, и боевые порядки частей 297 стрелковой дивизии рассечены.

Так что сотрудникам ПКГ № 860 повезло, что ими командовал участник Первой мировой и Гражданских войн, офицер Русской императорской армии для которого понятие чести не было пустым звуком. Видимо, Георгий Афанасьевич был ершистым человеком. Его еще не один раз снимали с должностей, но восстанавливали, и он продолжал воевать, упорно идя на Запад. Освобождал Будапешт, получил тяжелые ранения. К сожалению, далеко не всем полевикам так везло с командирами.

В феврале 1944 г. по этим подразделениям с незавидной судьбой, постигшей их в тяжелых боях 1941 – 1942 гг., руководством было принято решение «вопрос об этих полевых

---

⁹² Афанасьев Георгий Афанасьевич (1896 – 1971) – советский военачальник, генерал-майор.

учреждениях Госбанка оставить открытым впредь до получения каких-либо данных о размере ценностей, на день потери с ними связи, и судьбе этих ценностей»⁹³.

Зачастую военнотружущим полевых учреждений приходилось самим братья за оружие и идти, как говорили вперые месяцы войны, «в цепь». В условиях особо сложной обстановки их включали в состав сводных боевых подразделений в качестве рядовых пехотинцев. Но персональной ответственности за вверенные им ценности с них никто не снимал, и они, бывало, вели огонь по наступающему противнику, волоча за собой железные ящики с деньгами. И это не преувеличение.

Решать другие задачи пока не позволяла оперативная обстановка на фронте. Помимо того, штатный состав полевых учреждений, непосредственно работавших при соединении, начиная с дивизии, где создавались полевые кассы, как правило, не превышал трех – четырех человек: начальник, бухгалтер, кассир, изредка красноармеец-охранник. Практически отсутствовали транспортные средства, даже получение одноконной армейской повозки из обоза при передислокации банка было сопряжено с большими трудностями. Зачастую уже выделенный транспорт изымался командованием частей для перевозки боеприпасов или раненых, тогда сотрудникам полевых банков приходилось на себе нести наличные деньги, всю документацию и оборудование кассы.

---

⁹³ Вестник Банка России. 2015. № 41. С. 3 – 4.

Конечно, в таких условиях вести работу по обслуживанию личного состава, в том числе, открывать счета и осуществлять вкладные операции, было практически невозможно.

Следует отметить, что имевшийся резерв прочности в системе денежного обращения СССР был довольно быстро исчерпан. Помимо значительного роста фонда заработной платы военнослужащих и работников военной промышленности, огромные ресурсы были направлены на организацию перемещения населения на Восток: эвакуировавшимся рабочим и служащим выдавались единовременные пособия (на сумму около 3 млрд руб. в 1941 г.)⁹⁴. Заметно увеличились социальные обязательства государства, в том числе выплаты семьям погибших и инвалидов войны.

Чтобы нам яснее представлять общий уровень доходов населения в 1941 г. отмечу, что в первые четыре месяца года средняя заработная плата служащего в народном хозяйстве практически не изменялась с составляла, как я уже упоминал, 500 руб. в месяц. С учетом питания членов семей в государственной торговле расход на одного человека достигал 100 руб., тогда как доход был в пределах 250 руб. на душу. Расход на покупку предметов продовольственного набора, отпускаемого по карточкам, т.е. по фиксированным государственным ценам, составляла около 50 руб. на служащего и 35 руб. – на иждивенца. Однако следует учесть, что ото-

---

⁹⁴ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 7.

варивать карточки в полном объеме было весьма проблематично⁹⁵. Но это все же помогало хоть как-то выжить.

В случае утраты карточек они не восстанавливались, а без них в те лихие военные годы можно было умереть. Да и по карточкам ничего «не давали», а товары все равно необходимо было выкупать.

Геннадий Александрович Фуркалов пошел на фронт добровольцем, хотя имел бронь за военном заводе. «В военкомате показал повестку, – вспоминает боевой танкист, а тогда еще просто рабочий паренек. – И старший лейтенант, с тремя кубарями, вдруг как начал на меня кричать: «Да что это такое?! Вы почему уклоняетесь от явки в военкомат? Да кто за нас, Сталин, воевать будет?!», это я дословно запомнил. – «Да причем тут Сталин, – отвечаю. – Вы меня спросите, почему я не являлся? Я же не просто не хотел, я работал!» Тут секретарша ему говорит: «Надо ему выписать повестку явиться завтра утром». Я говорю: «Завтра не приду!» Он прямо ошалел: «Да как это так – не приду?» Я объясняю: «Мне карточки надо отоварить». – «Семья отоварит». – «У меня нет никого, я один!»... Стою на своем: «Не отоварив карточки, не поеду! С чем я поеду-то?» Тогда он ей говорит: «Ладно, напишите ему направление на отправку на такой-то день»⁹⁶.

---

⁹⁵ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 8.

⁹⁶ Я помню. Интернет-ресурс.

Особо следует сказать о ситуации в блокадном Ленинграде и на Ленинградском фронте. Ведь даже мизерный паек, получаемый по карточкам, жителям блокадного города необходимо было оплачивать. Но к середине декабря 1941 г. там сложилась буквально критическая обстановка. И дело здесь не только в перебоях со снабжением. У населения закончились деньги. Нечем было платить и военнослужащим. Наличные попросту перестали возвращаться в банки. К тому же «в результате понесенных убытков в связи с простоями и сокращением выпуска продукции» произошло «образование задолженности по заработной плате у значительной части предприятий и организаций г. Ленинграда». Кассы были пусты. Госбанк СССР предложил выдать заводам, «не имеющим в настоящее время средств на расчетных счетах, специальные бланковые ссуды для выплаты заработной платы за декабрь 1941 г. и январь 1942 г. при условии погашения указанных ссуд за счет союзного бюджета и республиканского бюджета РСФСР, немедленно по предоставлении Госбанком отчетных данных о сумме выданных средств».

Итак, о чем идет речь? Фактически о том, за что перед войной были репрессированы несколько председателей Правления Госбанка СССР – о выдаче бланковых, т. е. ничем не обеспеченных ссуд, о бюджетной эмиссии. Государству предлагалось заплатить за продукцию, которой не было, за товары, которые не были произведены. Неслыханно! Но ситуация была чрезвычайная и меры необходимо было

предпринимать экстраординарные.

К тому же в хранилищах банка закончились наличные, а доставить их в окруженный город было чрезвычайно трудно. При всех усилиях удалось пополнить запасы только на 260 млн руб. Мизер для такого города и войск. Причина состояла в том, что «Главное управление Гражданского Воздушного флота в течение последних трех дней (12, 13 и 14 февраля) не предоставляет самолетов и дальнейшее предоставление отложена на неопределенный срок»⁹⁷. Заместитель председателя Правления Госбанка В. Емченко просит личного вмешательства В. Молотова в этот вопрос.

Как видим, положение требовало чрезвычайных мер. Ибо тысячи голодающих людей, и так находящихся на грани выживания, могли просто не дождаться своего карточного блокового рациона. Так что отсутствие денег могло стать трагедией для чьей-то семьи. К сожалению, и такие факты имели место. Но это горькая правда войны.

Вот почему проблема возврата наличных в кассы банков, включая и через полевые учреждения, стояла столь остро. А денег требовалось все больше. И решался вопрос в т.ч. и через повышение налогов. С началом войны заметно возросла налоговая нагрузка и иные обязательные выплаты (с 1 января 1942 г. начал действовать военный налог и поступления

---

⁹⁷ Письмо заместителя председателя Правления Госбанка В. Емченко первому заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому. 14.02.1942 г. N 181, совершенно секретно.

в бюджет за счет этого источника составили в том же году 14 млрд руб., увеличившись до 17,1 млрд руб. в 1943 г.)⁹⁸

Так, с зарплаты в 600 руб. удержания в начале 1942 г. составляли 210 руб. (или 35,1%), а у мужчин в возрасте от 19 до 46 лет – 39,7% (с учетом надбавки в 50% к военному налогу). К примеру, до войны удержания с такой зарплаты составляли 16%. При зарплатке в 1200 руб. удержания составляли 38% и 42,6% соответственно. Помимо этого, население выплачивало значительные суммы в рамках патриотических кампаний, например, по сбору средств на строительство танковых колонн, а также в Фонд обороны и Фонд Красной Армии. С учетом этого фактора у большей части рабочих и служащих, получавших свыше 1000 руб. в месяц, платежи достигают около 50% их заработной платы⁹⁹.

Естественно, с началом войны резко подскочили и рыночные цены: они стали больше государственных в 8 – 10 раз. В четвертом квартале 1941 г. спрос на дефицитные товары превышал предложение, даже по официальным данным, в 3,5 раза. Из-за потери значительных по территории промышленно развитых районов страны производство многих товаров резко сократилось (больше всего сахара – в 7 раз!). Но это было только начало раскручивания цен. Я привожу

---

⁹⁸ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 69.

⁹⁹ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С. 12.

эти сведения, чтобы мы могли лучше прочувствовать, на какие жертвы шли наши соотечественники во имя обеспечения обороны Родины.

Всего же, согласно совершенно секретным данным, к началу боевых действий в 1941 г. в фондах контор и хранилищах Госбанка СССР в районах, находившихся под угрозой оккупации, имелось 14 млрд 116 млн руб., из которых 328,5 млн руб. вывезти не удалось. При этом из данной суммы свыше 280 млн руб. приходится на Литовскую, Латвийскую, Белорусскую, Волынскую и др. конторы, которые были эвакуированы в первые дни войны. Часть этих средств была уничтожена. Так, полевыми учреждениями Госбанка в целях предотвращения захвата противником в 42 случаях ликвидированы ценности на сумму 33,1 млн руб. На февраль 1942 г. была не известна судьба 19 полевых учреждений, за которыми числилось 28,14 млн руб. Установлены 19 фактов уничтожения транспортов с деньгами на сумму 3,4 млн руб. при бомбежках, возгорании автомашин, гибели при переправах через реки. Подтвержден захват противником средств в объеме 12,7 млн руб.¹⁰⁰

Что вселяло оптимизм, так это, что с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. не было зафиксировано ни одного факта утраты денег подразделениями Госбанка. Но тогда еще ни-

---

¹⁰⁰ Докладная заместителя председателя Правления Госбанка В. Емченко первому заместителю Председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому. №224 от 17 февраля 1942 г. Резолюция: «Тов. Звереву А.Г.»

кто не мог предположить, что нашу армию в том же году ждет тяжелейшее лето – разгром Крымского фронта и отступление по донским степям к Волге.

Все на оборону столицы

«Я был предназначен для чего? Для войны».

Сергей Андреевич Купцов,

летчик-штурмовик,

Герой Советского Союза¹⁰¹.

Особую страницу в истории войны занимает оборона Москвы.

5 июля 1941 г. управляющий Тульской областной конторой Госбанка СССР С.Ф. Передера получил совершенно секретную телеграмму из Москвы: «Приказываю укомплектовать по штату номер 04/16... кассы Госбанка номер 634 зпт 635 зпт 636 зпт предусмотреть 637 зпт 638 тчк Подобрать на номерные личный состав подлежащий призыву Красную Армию зпт через военкоматы тчк назначение на должности оформите приказом по конторе зпт совместно военкоматом обеспечьте прибытие личного состава касс к 8 июля 1941 г Москву в Московскую городскую контору Госбанка точка Начальникам касс выдайте доверенности получение имущества инвентаря ценностей тчк Вопросу подбора личного состава свяжитесь областным военкоматом тчк Мероприяти-

---

¹⁰¹ Купцов Сергей Андреевич (1922 – 2007) – летчик-штурмовик, Герой Советского Союза. Вначале Купцов был сержантом по званию, хотя по должности – командир звена.

ям даны указания штабом Московского военного округа тчк Исполнение телеграфируйте 7 июля тчк Безруков¹⁰²».

По оригиналу документа видно, как торопился и, вероятно, нервничал шифровальщик, обрабатывая телеграмму: война еще не вошла в привычку.

Конечно, в тульской конторе не сидели сложа руки, дожидаясь этой телеграммы. Необходимые меры уже были приняты: полевые кассы сформированы. Просто в заранее отпечатанные на пишущей машинке приказы от руки вписывались их номера. И все.

Тогда еще не все понимали, что началась подготовка к обороне столицы. Когда сражение еще разгоралось на дальних подступах к Москве, в системе Госбанка развернулась огромная работа. Когда читаешь архивные документы, то создается впечатление какой-то нереальности задач, ставившихся перед Московской городской конторой Главным управлением формирования и укомплектования войск Красной Армии и штабом оборона столицы. Уже к 12 июля 1941 г. в распоряжение ПК № 133¹⁰³, осуществлявшей обслуживание войск, оборонявших столицу, Московской городской конторой были направлены десять (!) полевых касс,

---

¹⁰² Безруков Иван Дмитриевич – подполковник госбезопасности, в дальнейшем начальник Управления полевыми учреждениями Госбанка СССР (создано 22.08.1941 г.), заместитель председателя Правления Госбанка СССР.

¹⁰³ Первоначально была сформирована Белорусской республиканской конторой Госбанка СССР в июле 1941 г. Обслуживала войска Западного и Брянского фронтов.

имевших необходимые фонды наличности (по 2 млн руб. каждая).

Сегодня мы знаем, что ждало наших коллег того времени в первые годы войны. Они нет. Все испытания и ужасы, выпавшие на их долю, только малую частичку сохранены в архивных документах, ведь многие полевые учреждения погибли вместе с теми соединениями, которые они обслуживали. Весьма показательна в этом плане история 257 стрелковой дивизии, которая начала формироваться в Туле 29 июня 1941 г. из личного состава частей Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). В подчинение указанному соединению Тульской областной конторой Госбанка была передана ПКГ №705¹⁰⁴. В июле дивизия была переброшена под Малоярославец. В августе в составе 34 армии части соединения участвуют в контрнаступлении под Старой Руссой, достигнув рубежа реки Холынья, где попадают в окружение и с тяжелыми боями пробиваются на восток, неся значительные потери. В сентябре дивизия вновь сражается в окружении, что в итоге в октябре приводит к расформированию ее остатков. Не менее трагически сложилась и судьба первых командиров дивизии генерал-майоров В.К. Урбановича и С.А. Иванова, погибших в сентябре и октябре стартового года войны. К сожалению, ничего не известно о сотрудниках

---

¹⁰⁴ В различных источниках встречаются упоминания о ПКГ с другим номером. Вполне возможно, что номер полевой кассы был изменен (это происходило довольно часто), либо 257 стрелковой дивизии, которая в ходе войны еще дважды заново формировалась, была придана другая ПКГ.

полевой кассы, в частности, ее начальнике А.И. Остроге. О последнем только и знаем, что ранее он работал в финансовых органах НКВД.

Изучая исторические свидетельства того времени, невольно отмечаешь, что особый накал неуверенности в стабильности положения в столице ощущается в начале октября, когда противник вплотную подошел к Москве. В это время командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И. Р. Опанасенко¹⁰⁵ был вызван в Москву на пленум ЦК ВКП(б). Добирался самолетом несколько дней. «Москва совсем не та, когда было мирно, – записал он свои впечатления в личном дневнике 10 октября 1941 г. – Она была суровой, но целой совсем – людей [в] служебное время было мало на улицах. Все лодыри уехали, а остальное служило. В магазинах уже все было по карточкам, но солидный паек. Ни вина, ни водки достать было невозможно – все закрыто – очень было хорошо. Пьяного на улицах не увидишь».

Вроде бы, все не так и трагично. Однако от зоркого глаза генерала не укрылось, что у партийных секретарей «настроение было унылое»¹⁰⁶. Худшее было впереди.

[Не могу здесь не сделать отступление и не рассказать. Иосифу Родионовичу, несмотря на высокие звание и должность, не суждено было увидеть Победу. После многочислен-

---

¹⁰⁵ Опанасенко Иосиф Родионович (1890 – 1943) – из крестьян, участник Первой мировой и Гражданских войн. С 1941 г. генерал армии.

¹⁰⁶ Археографический ежегодник за 1995 г. М. 1997. С. 210.

ных требований он все же добился отправки на фронт, где, верный своим солдатским привычкам, этот храбрый человек не отсиживался в штабе. Постоянно выезжал на передовые позиции. Погиб кавалер трех Георгиевских крестов и двух Георгиевских медалей 5 августа 1943 г. под Белгородом.]

К 15 октября ситуация в городе была близка к панической. «Начальство на многих предприятиях погрузило семьи в грузовики и оставило столицу, – рассказывает очевидец тех событий офицер-пехотинец Ефим Абелевич Гольбрайх. – Вот тут и началось. Горожане дружно кинулись грабить магазины и склады. Идешь по улице, а навстречу красные самодовольные пьяные рожи, увешанные кругами колбасы и с рулонами мануфактуры под мышкой! Но больше всего меня поразило следующее – очереди в женские парикмахерские. Немцев ждали»¹⁰⁷.

Госбанк СССР, несмотря на эвакуацию основных подразделений своего центрального аппарата в Куйбышев, уделял особое внимание формированию полевых учреждений для соединений Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), оборонявших столицу. Буквально каждый день в городе формируются новые полевые кассы. 30 октября с пометной «весьма срочно» поступает указание штаба Московского военного округа, подписанное заместителем начальника штаба комбригом Хрипуновым и комиссаром штаба полковым комиссаром Чистоговым, с требованием к исходу

---

¹⁰⁷ Сайт Физического факультета МГУ.

следующих суток подготовить полевые кассы для «сформированных дивизий и бригад Московских рабочих Обороны г. Москвы» – 1 и 2 Отдельные бригады Московских рабочих. И уже 1 ноября управляющий Московской городской конторой Г.С. Чубуков (зелеными чернилами!) подписывает приказ №76 о формировании полевых касс (№№1601, 1602, 1603)¹⁰⁸. Подобных указаний едва ли не ежедневно в столичную контору Госбанка поступали десятки.

Совершенно естественно, что при таких масштабах и темпах развертывания по штатам военного времени полевые учреждения вскоре стали испытывать крайний недостаток в квалифицированных банковских работниках, ведь с июня по декабрь 1941 г. были сформированы 598 полевых учреждений Госбанка СССР, в том числе 14 полевых контор¹⁰⁹.

Поскольку подавляющее большинство банковских работников в довоенное время составляли женщины, то дефицит квалифицированных кадров был острейший: опытных сотрудников системы Госбанка СССР, подлежащих мобилизации, стало не хватать. [Всего же за годы Великой Отечественной войны было сформировано свыше 2500 полевых учреждений.] Были нередки случаи, когда военкоматы направляли квалифицированных банковских специалистов на уком-

---

¹⁰⁸ Судя по сохранившимся надписям на документах, указанные ПКГ были направлены в распоряжение офицеров штаба Московского военного округа полковника Исаева и майора Гавилевского.

¹⁰⁹ Военные финансисты в Великой Отечественной войне. Вклад в победу. М. 2005. С. 220.

плектование других подразделений только по той причине, что они прибыли по повестке на сборный пункт и были, как говорится, под рукой. Судя по обращению начальника ПОГ №1045 техника-интенданта 2 ранга Семенаса, только два сотрудника из состава всего отделения ранее работали в банковской сфере (он и гл. бухгалтер). Чтобы перевести в состав полевого учреждения старшего писаря полевой почтовой станции (ППС) №239 при 344 стрелковой дивизии Александра Петровича Гололобова – опытного банковского работника – потребовалось в декабре 1941 г. личное обращение управляющего Московской городской конторой Госбанка Чубукова в Народный комиссариат обороны к заместителю начальника финансового отдела Школьникову¹¹⁰.

(Врезка по тексту)

---

¹¹⁰ Школьников Альберт Евгеньевич – в дальнейшем генерал-майор, заместитель начальника Финансового управления НКО СССР.

Встречались весьма интересные, если не сказать, интригующие ситуации.

Октябрь 1941 г. Заявление лейтенанта 287 стрелковой дивизии 567 отдельной стрелковой бригады в Правление Госбанка (подано в полевое отделение № 663): «В настоящем прошу правление Госбанка СССР разобрать мое заявление о нижеследующем. Я имею вклад в сумме 950 (девятьсот пятьдесят) руб. в полевой кассе №850 164 отделения. Но поскольку эта полевая касса на моих глазах попала в руки врага, то до сего времени я не могу получить свой вклад. А поэтому прошу правление Госбанка СССР дать разрешение полевому отделению 663 о восстановлении и выплате моего вклада. В просьбе прошу не отказать».

Интересно, что в деле хранится письмо командира 287 СД полковника Еремин от 12 декабря 1941 г. начальнику финансового отдела Брянского фронта и начальнику полевой конторы №905: «Сообщаю, что сведений о личном составе полевой кассы Госбанка № 805 к настоящему времени не имею. События, развернувшиеся 4 – 5 октября, привели к полной изоляции кассы от командования и штаба дивизии. С тех пор никаких сведений о кассе не имеется. Распоряжения от командования об уничтожении ценностей и документов в силу этого не могло быть дано. Вкладчиков, внесших денежный вклад в бывшую полевую кассу № 850, как выясняется, не было. Поэтому претензий к ней не будет».

То ли лейтенант попался уж слишком сообразительный, то ли полковник не знал реального положения дел.

(конец врезки)

Также в ходе битвы за Москву родилась советская гвардия.

«В гвардейских частях рядовой и сержантский состав до старшины включительно получал двойной оклад, а офицеры – полуторный, – вспоминает танкист, а потом и писатель Дмитрий Федорович Лоза. – Например, мой командир роты получал 800 рублей. Когда я стал комбатом, то получал не то 1200 рублей, не то 1500 рублей. Не помню точно. В любом случае, на руки мы не все деньги получали. Все наши деньги хранились в полевом сберегательном банке, на твоём личном счету. Деньги можно было переслать семье. То есть в карманах деньги мы не носили, это государство делало ра-

зумно. Зачем тебе в бою деньги?»

Как видим, быть гвардейцем – это не только почетно, но и выгодно, ибо сразу отражается на размере денежного содержания. Отсюда последовал и рост интереса, особенно со стороны офицеров, к услугам полевых банков. Что не забыл отметить ветеран через много лет после войны. Ну, а раз деньги там сохраняются на счете, то и банк сберегательный, хотя полевой. Хотя здесь надо четко понимать, что никаких других банков, кроме полевых, в действующей армии не было. Да, в тылу военнослужащий мог открыть вклад в сберегательной кассе, но на фронте других вариантов не было.

В конце 1941 г. после разгрома фашистских армий под Москвой и относительной стабилизации линии фронта ситуация начала меняться к лучшему и для вкладчиков полевых банков. Были сняты всякие ограничения на получение денег в любом полевом или стационарном учреждении Госбанка по вкладной книжке, независимо от суммы. Это сразу повысило привлекательность хранения денег в ПКГ, на которые к тому стал начисляться доход в 2% годовых. Военнослужащие также получили возможность переводить средства своим родственникам в тыл через поручения полевым учреждениям, даже не посещая их лично. Их средства были надежно защищены, поскольку, помним п. 11, «в случае обнаружения в полевых учреждениях Госбанка злоупотреблений или растрат виновные в этом лица привлекаются к ответственно-

сти по законам военного времени»¹¹¹. Что это значило, никому пояснять не приходилось. Даже утрата вкладной книжки не означала потерю вклада. Новая вкладная книжка выдавалась взамен утраченной через четыре месяца, а до этого военнослужащему открывался другой лицевой счет. Ежемесячно сведения об остатках на лицевых счетах направлялись в тыловые органы в виде поверочных ведомостей.

Я уже упоминал, что быть гвардейцем было не только почетно, но и выгодно. Стимул воевать лучше, а потому стать гвардейской частью сохранял свое значение и в дальнейшем, на более поздних этапах войны. «Мы освободили Волхов, Карачев и Брянск, – вспоминает офицер-танкист, Герой Советского Союза Павел Павлович Кулешов¹¹². – Потом нас вывели на переформирование в брянские леса, где мы очень долго стояли. Там мы стали гвардейцами, нам вручили гвардейское знамя, и всем – гвардейские значки. Почти в два раза повысили оклады!»¹¹³

[Для сохранения исторической правды следует отметить, что государство стимулировало не только гвардейцев. Так, офицерам, направленным для прохождения службы, например, в штрафные батальоны или роты полагался «полупор-

---

¹¹¹ «Положение о полевых учреждениях Госбанка СССР» от 09.08.1940 г.

¹¹² Кулешов Павел Павлович (1923 – 2009) – родился в недалеко от Москвы. Призван в армию в 1941 г. Боевое крещение получил на Курской дуге. Отличился в боях за Львов. В сентябре 1944 г. удостоен звания Героя Советского Союза. В 1973 г. уволен в запас.

¹¹³ Драбкин А. Я дрался на Т – 34. Интернет-ресурс.

ный оклад, ускоренная, даже против фронтовой, выслуга лет», – вспоминает офицер-пехотинец Е. А. Гольбрайх¹¹⁴. Понятно, что речь идет не о тех, кто попадал туда в качестве наказания, что, впрочем, было несложно даже для офицеров. Но об этом мы еще поговорим. Уж больно много лжи нагромодили вокруг этой темы.]

Необходимо отметить, что иногда, особенно в первый период войны, в связи с выплатой повышенных окладов гвардейским частям возникали проблемы. Были случаи, когда не то, что недоплачивали, а переплачивали. Так, пострадал старший инспектор финансового отдела 47 армии, входившей в состав войск Черноморской группы Закавказского фронта. Его посчитали виновным в необоснованной выплате личному составу соединения, в частности, медицинским сестрам, проходящим службу в гвардейских частях, двойного оклада, когда им было положено в полуторном размере. Убыток: 429984 руб.¹¹⁵ Сумма, как мы понимаем, колоссальная. Наказали старшего инспектора по тем временам гуманно – отстранили от должности и назначили с понижением. А вот начальнику финансового отдела 32 гвардейской дивизии, который и дал указание о выплате, повезло меньше – отправили под суд. И не украл офицер, а все равно виноват: плохо читал инструкцию. Что интересно – денег у тех, кому

---

¹¹⁴ Сайт Физического факультета МГУ.

¹¹⁵ Приказ войскам Черноморской группы Закавказского фронта № 0124 от 5 декабря 1942 г.

переплата составила до 100 руб. в месяц, отбирать не стали: обидятся. На то они и гвардейцы, пусть и девушки.

У меня нет ни возможности, ни необходимости излагать весь ход битвы за столицу. Но в том, что Москву отстояли и нанесли фашистам первое серьезное поражение есть, пусть и небольшая, но реальная заслуга офицеров-полевиков, сражавшихся вместе с регулярной армией и ополчением на ближних и дальних подступах к городу. К сожалению, потери полевых учреждений Госбанка были очень большие, особенно в ходе боев в окружении в октябре 1941 г. под Вязьмой, где в кольцо попали 5 советских армий и 10 из 12 дивизий Московского народного ополчения. Только из личного состава банков, обслуживавших соединения Западного фронта, пропали без вести 77 человек и четверо сотрудников были убиты¹¹⁶. Офицеры-полевики разделили судьбу соединений, которым были приданы.

---

¹¹⁶ Армии Западного фронта обслуживались полевой конторой № 133, сформированной Белорусской республиканской конторой Госбанка в Минске 23 июня 1941 г. ПК № 133 прошла всю войну, входила в состав 3-го Белорусского фронта и была расформирована 21 декабря 1945 г.

2 Ударная армия: трагедия подвига

Одна из наиболее трагических страниц в истории войны – это судьба 2-й Ударной армии, входившей в состав Волховского фронта и попавшей в окружение при попытке извне прорвать блокаду Ленинграда. 7 января 1942 г. началась Любанская наступательная операция. Если бы задумки советского верховного командования реализовались, то удалось бы не только полностью снять блокаду с Ленинграда, но и кардинально изменить ситуацию в свою пользу на северном фланге советско-германского фронта.

С целью создания мощной группировки Генеральный штаб Красной Армии усилил войска Волховского фронта (4 и 52 армии) 59 и 26 армиями (последняя и стала в дальнейшем 2-й Ударной армией). Всего в состав фронта входили 23 стрелковые дивизии, 8 стрелковых бригад, 1 гренадерская бригада (из-за *нехватки стрелкового оружия* была вооружена главным образом ручными гранатами – т.е. к противнику для открытия огня надо было подойти на 25 – 40 метров!!!), 4 кавалерийские дивизии, 18 отдельных лыжных батальонов, 1 танковая дивизия и 8 отдельных танковых бригад. Участие в операции также принимали 54, 55 и 8 армии Ленинградского фронта. Однако многие соединения были укомплектованы крайне плохо. Войска испытывали большой недостаток в боеприпасах и продовольствии. Авиация и артиллерия не

успели сосредоточиться к началу операции.

Частям 2 Ударной армии в результате упорных боев и больших потерь смогли форсировать р. Волхов и продвигнуться в глубь обороны противника. Однако в середине марта войска армии попали в окружение. Ценой невероятных усилий советским частям удавалось на короткие промежутки времени пробивать узкие, буквально шириною в сотни метров, коридоры в позициях фашистских войск. Но затем кольцо опять смыкалось. Наши солдаты голодали. Попытки снабжения по воздуху были мало результативны, хотя наши летчики действовали самоотверженно на своих фанерных У-2 они доставляли войскам продовольствие и боеприпасы. Многие даже не брали с собой парашюты, что вместо них взять побольше полезного груза. Так что при поражении в воздухе у них не было никакого шанса спастись.

20 апреля командующим 2 Ударной армией был назначен генерал-лейтенант А.А. Власов. Надо признать, что к тому времени нормы снабжения сократились до минимума: доходило до того, что в день на человека выдавали по 5 грамм хлебной крошки от сухарей. Да, я не ошибся по 5 грамм!

Примечательно, что еще 21 июня 1942 г. дивизионный комиссар И.В. Зуев¹¹⁷ доносил в Военный совет фронта: «Вой-

---

¹¹⁷ Зуев Иван Васильевич (1907 – 1942) – дивизионный комиссар, член Военного совета 2 Ударной армии. Депутат Верховного Совета УССР. В РККА в 1929 – 1931 гг. Повторно призван в 1932 г., участник гражданской войны в Испании. Погиб при попытке выйти из окружения, его выдал немцам какой-то местный житель.

ска армии три недели получают по 50 гр. сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было... Люди до крайности истощены... Боеприпасов нет.»¹¹⁸

Но войска держались. И здесь новый командующий принял ряд действий, которые резко ухудшили и без того бедственное положение личного состава. Власов приказа выводить из окружения в первую очередь не людей, а зенитную артиллерию и конский состав. Дело в том, что лошади остались практически единственным источником гарантированного получения питания. Бойцы начали на них настоящую охоту. Никакие меры охраны, наказания не помогали. Лошадей уводили из расположения частей и забивали на мясо. Итак, у своих братьев без спроса – табу, побьют в лучшем случае, а добыть у другой части почти, что геройство. Знакомо.

Причем командиры некоторых подразделений, видя бедственное положение своих подчиненных, не только этому не препятствовали, но и зачастую всячески покрывали действия своих «добытчиков». Среди бойцов развернулась настоящая торговля кониной, когда за лошадиную ляшку можно было получить до 500 рублей.

И здесь проявился своеобразный моральный кодекс поведения русского солдата: позорно и преступно сдаваться в плен, недопустимо взять хоть что-то без разрешения из вещей товарища, особенно, если это съедобное. А вот имуще-

---

¹¹⁸ Цитата по: Гагарин С. Правда и легенды о войне. Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 136.

ство государства, это нечто иное. И хотя немцы засыпали наши опорные пункты (а по другому позиции на болоте не оборудуешь) листовками с предложениями сложить оружие, гарантируя безопасность, а главное хорошее питание, бойцы стояли на смерть. Но постепенно личный состав, лишенный нормальной еды, терял силы, у людей начиналась дистрофия.

Так что Власов в первую очередь озаботился спасением материальных средств, ведь за их утрату могут и строго спросить, а не людских душ. В итоге кончилось тем, что в один из дней, лишенные ПВО, войска стали свидетелями душераздирающей трагедии. На их глазах безнаказанно немецкие истребители сбили сразу 8(!) У-2. Представьте только – ВОСЕМЬ! Ни у одного из пилотов не было с собой парашюта! Они сгорели вместе со своими хрупкими бипланами в воздухе, пожертвовав собою ради спасения голодающих товарищей по оружию. После такого разгрома все попытки снабжения окруженных по воздуху были прекращены. Это не могло не сказаться на боевом настрое войск – бойцы были морально подавлены: хоть какая-надежда на помощь извне исчезла.

Пишу эти строки, а у самого перед глазами стоит остов советского легкого самолета, который я видел в одном из частных охотничьих хозяйств в средней полосе России. Нет, это не был фронт 2 Ударной армии, но бои в этих местах шли не менее страшные, продолжительные, упорные и кровавые

для обеих сторон¹¹⁹. Возможно, это остатки того же У-2 или По-2, кому как больше нравится, разница в принципе была небольшая. Время сохранило только изготовленную из металлических труб раму. Но что меня поразило, так это наличие прекрасно сохранившейся самодельной бронеспинки, изготовленной явно кустарно, возможно, в одной из деревенских кузниц. Делали ее местные умельцы явно в спешке – края обрезаны, вероятно, каким-то сварочным аппаратом, крайне неровные, совершенно необработанные. Но наши Кулибины хотели хоть как-то защитить своего боевого товарища, ведь летчик на таких летательных аппаратах, а подругому я назвать это чудо техники не могу, был «прикрыт» от огня противника только фанерой или тончайшей перкалю, то есть, попросту говоря, хлопковой или льняной тканью, которой были обтянуты детали его грозной «боевой» машины.

И самое страшное: в этом железном листе отчетливо видны три пулевые пробоины. Сквозные, навывлет, в аккурат в том месте, которое приходилось на середину спины пилота, находясь он за штурвалом управления. И вот смотришь сквозь эти три небольшие дырочки, явно ударившими со стороны хвоста аэроплана, и думаешь – выпустил ли эти лихие пули, куражась от собственной неуязвимости над беззащитным противником, вражеский истребитель или какие-то

---

¹¹⁹ Я специально не указываю местонахождение этого раритета, поскольку не имею согласия владельцев на разглашение этой информации.

глупые энтузиасты-экспериментаторы пальнули ради забавы, проверяя прочность этой самопальной защиты? Пусть уж лучше второе, тогда у летчика (или летчицы!) был хоть какой-то минимальный шанс уцелеть.

Здесь я просто обязан сказать, что спасли это свидетельство беззаветной храбрости наших воинов простые русские мужики, арендующие эти угодья. Вытащили из болота, перевезли к охотничьему домику, поместили, наряду с другими военными раритетами, в своем импровизированном музее. Да, не бедные, по местным понятиям настоящие буржуи, богачи, но люди неравнодушные, уважающие свою историю, свято чтящие память русского солдата. Они и сегодня ищут, и находят останки наших павших воинов и хоронят их на заброшенных кладбищах обезлюдевших деревень со всеми воинскими почестями, так, как их понимают. Салютуют из собственного охотничьего оружия. И делают это по зову сердца, исключительно по собственной инициативе, и за свой счет. К своему стыду, я даже не знаю их имен. Так что есть и в России такие вот «олигархи» местного масштаба, истинные «буржуи-капиталисты-кровопийцы». Честь им и хвала. Побольше бы таких. Ведь у нас до сих пор непогребенными, даже по официальным данным, остаются около ПЯТИ МИЛЛИОНОВ наших предков-защитников!

Написал и думаю: а не навлеку ли я на этих достойных людей гнев властей? Вдруг они что-то нарушили? Ведь чиновнику все равно, сколько еще непогребенных солдатских

костей лежит в наших полях, лесах, болотах. Ему бы чего не нарушить, а особенно не допустить инициативы других, не желающих мириться с этим казенным бездушием...

История предательства Власова (даже не хочется этого мерзкого человека после вышеизложенного называть генералом) хорошо известна. Но, к сожалению, мало говорится о судьбе тысяч солдат и офицеров, которые до конца выполнили свой воинский долг. Среди них была немало военных банкиров.

Особенно драматические события в полосе действий 2 Ударной армии развернулись в последней декаде июня 1942 г. 23 числа в боевых порядках войск противника удалось создать коридор шириной 250 – 400 метров, через который и прорывались из смертельного кольца советские части. Вот как описывает события того дня в своем рапорте после выхода из окружения начальник полевой кассы Госбанка № 968 техник интендант 2 ранга М.Г. Калинин: «Утром около 11 часов 23 июня я от блиндажа ПОГ № 930 прошел к блиндажу финотдела 2 У.А. Прибыв туда я увидел, что финотдел собирается уходить, причем этот уход [является] по действиям не обычным перемещением, а более серьезным, т.к. с собой брались наиболее важные документы, а все остальные складывались на недалеко стоящую автомашину».

Весьма обеспокоенный сложившейся ситуацией, офицер докладывает о передислокации штаба армии своему непосредственному командиру – начальнику полевого отделения

Госбанка № 930 технику интенданту 2 ранга П.В. Щукину. Но тот, вопреки его ожиданиям, «перемещение финотдела встретил безразлично и не захотел даже пойти выяснить у начфо тов. Черняевского, как долго должен оставаться на старом месте расположения ПОГ № 930». «Видя такую беспечность в столь напряженные минуты со стороны начальника», Калинин стал добиваться от Щукина принятия необходимых мер по спасению ценностей и документов полевых учреждений. Ему удалось убедить своего начальника все же потребовать конкретных указаний о дальнейших действиях со стороны вышестоящих командиров. Однако время было упущено: фашистские автоматчики прорвались к расположению штаба армии. «Примерно в 16 часов 23 июня 1942 года мы вышел с прежнего места к командному пункту второго эшелона и прибыли туда примерно к 20 часам того же числа, – продолжает в своем рапорте Калинин. – Начальник финотдела тов. Черняевский по прибытии сразу ушел к члену военного совета 2-й У.А. (фамилию его я не знаю)¹²⁰ и возвратившись от него, он, видимо, от имени военсовета написал приказ начальнику ПОГ тов. Щукину уничтожить порядком сожжения все ценности и документы, не могущие быть вынесенными».

Это удалось сделать: «Примерно в 17 часов 24 июня 1942 года НАЧФО тов. Черняевский вызвал меня и объявил мне,

---

¹²⁰ Вполне вероятно, что речь идет о члене Военного совета 2 Ударной армии дивизионном комиссаре Иване Васильевиче Зуеве.

что нам придется из окружения выходить с боями, что я назначаюсь командиром второго отделения, что он, Черняевский, является командиром взвода. Во время этого разговора из ПОГ № 930 вернулись обратно тов. Богомыслов и Черепенин. Они, как я слышал, – пишет Калинин, – доложили, что все деньги (около пяти миллионов), бланки строгой отчетности и не могущие быть вынесены документы сожжены в ночь с 23 на 24 июня с.г., а документы необходимые распределены среди работников отделения и находятся частью у них. Тогда НАЧФО тов. Черняевский спросил: а где остальные работники банка? Пришедшие Богомыслов и Черепенин ответили, что они в дороге около дровяного поля отстали, т.к. оно уже обстреливается просочившимися фашистскими автоматчиками, и что акт на уничтожение ценностей находится у начальника отделения или гл. бухгалтера».

И сегодня, спустя столько десятилетий, тяжело читать о том, как Калинин, командуя своим пехотным отделением, сформированным из армейских финансистов и банкиров, под бомбежкой, минометным обстрелом и пулеметным огнем немцев пробирался из окружения. К его чести, он не пытается приукрасить свои заслуги и не описывает схватки с противником. Обессилевшие от длительного недоедания, изнуренные люди шли моховыми болотами, обстреливаемые со всех сторон, погибали, но думали только об одном: как выйти к своим. Калинин скрупулезно фиксирует, кто с ним шел, где и когда он потерял из виду каждого из своих бойцов.

Он прекрасно сознает, что его свидетельства могут спасти, если не жизнь, то хотя бы честь без вести пропавших товарищей. Расстояние измеряет сотнями метров. Буквально за каждый шаг приходилось расплачиваться кровью: «Так мы двигались весь Мясной бор до своих частей (нашей обороны с этой стороны), куда вышли примерно в три часа 25 июня 1942 года».

М.Г. Калинин из состава временного финансово-банковского взвода выбрался один. Больше не уцелел никто. О сдаче в плен они и не помышляли. Самого Калинина ждали долгие разбирательства, хотя его ни в чем прямо и не обвиняли. Полагаю, что он знал, что его встретят с недоверием. Но он упорно шел к своим.

Несколько особняком здесь стоят две отдельные стрелковые бригады – 23 и 25 (ОСБр). Упомянутые в документах ОСБр являлись наиболее подготовленными и боеспособными частями, поскольку были в основном укомплектованы цветом нации – курсантами военных училищ, а также имели хорошую насыщенность автоматическим оружием. Их бросали на самые опасные участки. Вчерашние школьники и студенты, буквально мальчишки, отчаянно рвались вперед. Соответствующими были и потери: из 23 бригады вышло из окружения только 108 бойцов и командиров. Не знаю, стоило ли так бездумно растрчивать такой людской потенциал будущих командиров, которых в дальнейшем так не хватало в войсках?

Здесь не могу не отметить, что крайнюю степень истощения, всех вышедших из окружения, в т. ч. и сотрудников полевых учреждений. Это особо подчеркнул в своем донесении ст. инспектор полевой конторы Госбанка № 1606 В.М. Щелкунов, командированный 28 июня 1942 г. во 2 У.А. для выяснения обстоятельств гибели ПОГ №930 и подчиненных ему подразделений и поиска свидетельств, подтверждающих факт уничтожения вверенных им ценностей и документов.

Есть у нас и другие свидетельства той трагедии. Вот что докладывал в совершенно секретных рапортах № 160сс и № 168сс в июле 1942 г. в Управление полевыми учреждениями Госбанка СССР начальник полевой конторы № 1606 старший лейтенант интендантской службы Малахов: «В связи с создавшимся тяжелым положением в мае и июне месяцах 1942 года (вражеским окружением) войск 2-й У.А. Волховского фронта командованием Армии в 20 числах июня был отдан приказ штабу Армии, в/соединениям и отдельным в/частям пробиваться из окружения с боем. Выход из окружения продолжался в основном до 27 июня 1942 года... Всякая связь конторы с полевым отделением № 930 в течение последних 2-х месяцев была прервана и восстанавливалась за это время всего на несколько дней. Также была затруднена связь отделения с подотчетными ему полевыми кассами. Наиболее сложная обстановка создалась в расположении 2-й У.А. к 23 июня с/г, когда кольцо окружения было сжато – подвергалось почти непрерывному обстрелу, а также

бомбежке с воздуха – от командования Армии и Военного совета последовал приказ об уничтожении всех ценностей, не могущих быть вынесенными, как денежной наличности, документов и др., в числе и ценностей Полевых учреждений Госбанка». Читаем далее: «Произведенным нами подробным выяснением в штабе 2-й Ударной армии, подотчетное нам полевое отделение Госбанка №930 в полном составе попало во вражеское окружение, из которого на сегодняшний день не вышло. Принятыми нами мерами к розыску личного состава, ценностей и документов наших полевых учреждений удалось установить от работников штаба 2-й Ударной армии и полевых касс, частично вышедших из окружения, что ценности отделения полностью уничтожены путем сожжения, всего на сумму около 5 (пяти) миллионов рублей. Об уничтожении ценностей с 23 по 24 июня с. г. составлен соответствующий акт, находящийся у начальника отделения тов. Щукина. Баланс находится у гл. бухгалтера тов. Ксенофонтова, а лицевые счета и др. документы распределены между отдельными работниками ПОГ. Однако до настоящего времени о судьбе личного состава и вышеуказанных документах ничего не известно. Последний баланс отделения контора имеет по состоянию на 1.6. 42 г., а сводный баланс по п/кассам лишь на 1.5. 42 г.

Из полевых касс подотчетных ПОГ №930 вышли из окружения в полном составе: 1) касса № 1625 – начальник тов. Шкарников, бухгалтер тов. Смирнов и кассир т. Блохин., со-

хранив все ценности и учетные документы; 2) полевая касса № 1656 – начальник, он же бухгалтер т. Полозов и кассир т. Александров (начальник кассы т. Никитин находится на излечении в госпитале гор. Кострома), также сохранив все ценности и документы; 3) из полевой кассы № 1628 вышел один кассир т. Малоротов, из полевой кассы № 819 вышел один кассир т. Саморуков, вынесшие ценности. Остальные работники из личного состава этих полевых касс – начальники и бухгалтера – видимо, погибли вместе с документами и последними балансами».

Как видим, содержание рапорта начальника конторы несколько отличается в деталях от донесения Калинина, и изложение хода событий по времени и с точки зрения действий командования армией носят куда как более неопределенный и описательный характер. Не совсем понятно, о каких приказах идет речь. Очевидно, что управление войсками было утрачено. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что нигде в документах ни разу не упоминается фамилия командующего 2 Ударной армией, ни его судьба, которая, безусловно, к тому времени была уже известна офицерам, пусть и неофициально.

Поскольку в военные годы почему-то не считали обязательным указывать хотя бы инициалы бойцов и командиров (балансы, по-видимому, важнее), то, полагаю вполне обоснованным, привести здесь имена тех, кто смог вырваться из смертельного кольца фашистского окружения, спасти деньги

и вынести документы. Так, начальника ПКГ № 1625 (обслуживала 22 отдельную стрелковую бригаду) Шкарникова звали Михаил Павлович. Примечательно, что на тот момент он даже не имел воинского звания, поскольку был призван из Ярославля только 15 января 1942 г. Родился Михаил Павлович в 1895 г. До войны проживал: г. Ярославль, п/о Ляпино, дер. Парково, д. 39, кв. 1. Бухгалтера Смирнова звали Константином Александровичем (похоже, он остался жив и по окончании Великой Отечественной войны), а кассира Блохина – Василием Григорьевичем.

Интересно, что после выхода из окружения бухгалтер и кассир обвинили своего начальника в том, что он фактически самоустранился от спасения денег и документов, возложив на них ответственность за переноску всех этих грузов. Однако в дальнейшем этот вопрос был оставлен командованием без разбирательства. Возможно, потери были столь велики, что руководство не захотело вникать в сложности личных отношений сотрудников, поскольку в данном случае удалось полностью сохранить все деньги и документы.

Начальник ПКГ № 1656 (при 53 стрелковой бригаде) Александр Иванович Полозов, 1896 г.р., воинского звания также не имел. Был земляком М.П. Шкарникова и до войны проживал в г. Судиславль¹²¹ Ярославской области на ул. Советской, 9, кв. 1. Кассира Александра звали Александр Васильевич.

---

¹²¹ В настоящее время это поселок городского типа Костромской области.

Вот и все, что пока удалось узнать об этих незаметных тружениках войны. Всего в состав ПОГ №930 входило 14 полевых касс.

Что касается упоминаемого в цитируемом нами документе кассира ПКГ № 819 (при 46 стрелковой дивизии – СД) старшего лейтенанта интендантской службы Михаила Николаевича Саморукова, вынесшего с собой и сдавшего в кассу 7572 руб. 65 коп. наличных денег и облигаций госзаймов на 480 руб., то его судьба сложилась иначе. Поскольку «остаток наличных денег по кассовой книге, которую представил Саморуков числится в сумме Р. 54000 и никаких других документов, подтверждающий расход или сдачу наличности в другое полевое отделение Госбанка Саморуков не представил, чем не исполнил своих прямых обязанностей кассира Государственного банка, который обязан при любых условиях военной обстановки сохранить ценности и документы подтверждающие наличие этих ценностей», то дело на него было передано в прокуратуру Волховского фронта. И хотя «в своих устных объяснениях Саморуков заявил, что наличные деньги были израсходованы кассой на оплату чеков Финансового отделения на выдачу денежного содержания военнослужащим, а в кассовой книге записей не сделал, т.к. не имел возможности ввиду вражеской бомбежки места расположения полевой кассы Госбанка», то «такое объяснение Саморукова вызывает сомнение в правдивости, поскольку имея возможность производить выдачу денег, он, несомнен-

но, имел возможность и сделать несколько записей в кассовой книге». Именно так посчитал начальник полевой кассы № 1606 и указал в своем рапорте прокурору следующее: «Исходя из вышеизложенного, прошу расследовать это дело и привлечь Саморукова к уголовной ответственности с взысканием с него суммы Р. 46400 в пользу Госбанка». (Напомним, штатный оклад кассира полевой кассы составлял 600 руб.) Как ни крути, выходит, Саморуков сам на себя донес и представил доказательства собственной вины в виде кассовой книги, не заполнив ее задним числом. Таковы были реальности войны.

Однако гибель в окружении подразделений полевого отделения № 930 не означала, что вкладчики, доверившие им свои средства, все потеряли. Те бойцы и командиры, кому удалось вырваться из кольца и сохранить вкладные книжки, без каких-либо проволочек получали по ним деньги в пределах остатка. Уже к 1 августа 1942 г. только по системе ПК № 1606 им было выплачено со вкладов свыше 120 тыс. руб. Деньги военнослужащим 2 Ударной армии выдавались также и другими стационарными и полевыми учреждениями Госбанка, о чем поступала информация из разных районов страны. Система работала четко, обеспечивая интересы военнослужащих, благодаря ее продуманности и наличию проверочных ведомостей остатков по лицевым счетам в тыловых структурах Госбанка.

Даже в тех случаях, когда военнослужащие утратили

вкладные книжки и не могли подтвердить остаток, принимались меры по восстановлению лицевых счетов на основе проверочных ведомостей на 1 июня 1942 г. и алфавитных книг вкладчиков. Номера утраченных вкладных книжек брались на специальный учет и помещались в соответствующие списки с целью предотвращения возможных злоупотреблений (а такие попытки бывали) или возврата в полевые учреждения для решения вопроса о выплате денег вкладчикам или их законным наследникам.

К сожалению, название 2 Ударной армии в современных публикациях упоминается в основном в связи с фамилией ее командующего, запятнавшего себя предательством. Мне бы хотелось хоть немного восстановить справедливость и вернуть истории имена сотрудников полевых учреждений Госбанка СССР, входивших в состав этой армии, с честью и до конца выполнивших свой воинский долг. Не так давно удалось обнаружить этот скорбный список и снять с него гриф секретности:

Полевое отделение Госбанка № 930.

1. Техник-интендант 2 ранга Щукин Павел Васильевич – начальник ПОГ.
2. Техник-интендант 1 ранга Ксенофонтов Василий Григорьевич – гл. бухгалтер.
3. Техник-интендант 2 ранга Гурвич Давид Цодинович – инспектор.
4. Техник-интендант 2 ранга Добкевич Павел Владимирович – ст. бухгалтер.
5. Техник-интендант 2 ранга Антонов Василий Кузьмич – бухгалтер.
6. Техник-интендант 2 ранга Богомыслов (резервист)¹²² – бухгалтер.
7. Без воинского звания Копытов Константин Иванович – кассир
8. Без воинского звания Черепенин Константин Федорович – кассир.

Полевые кассы Госбанка:

9. Техник-интендант 2 ранга Килин Василий Петрович – начальник ПКГ № 246 (при 92 СД).
10. Техник-интендант 2 ранга Шабанов Петр Алексеевич – бухгалтер ПКГ № 246.
11. Техник-интендант 2 ранга Кохов Петр Иванович – кассир ПКГ № 246.
12. Техник-интендант 1 ранга Сергеев Николай Никитич – начальник ПКГ № 754 (при 382 СД).
13. Техник-интендант 2 ранга Донов Дмитрий Ильич – бухгалтер ПКГ № 754.
14. Техник-интендант 2 ранга Кисель Давид Михайлович – кассир ПКГ № 754.
15. Без воинского звания (по другим источникам техник-интендант 1 ранга) Ильчишин Петр Михайлович – начальник ПКГ № 772 (при 327 СД).
16. Техник-интендант 1 ранга Ловыгин Дмитрий Михайлович – кассир ПКГ № 772.
17. Техник-интендант 2 ранга Лысенко Павел Павлович – начальник ПКГ № 819 (при 46 СД).
18. Без воинского звания Струнин Борис Николаевич – бухгалтер ПКГ № 819.
19. Техник-интендант 2 ранга Зайцев Александр Алексеевич – начальник ПКГ № 1626 (при 23 ОСБр).
20. Без воинского звания Голиков Николай Михайлович – бухгалтер ПКГ № 1626.
21. Без воинского звания Константинов Алексей Васильевич – кассир ПКГ № 1626.
22. Техник-интендант 1 ранга Корнилов Александр Павлович – начальник ПКГ № 1628 (при 25 ОСБр).
23. Без воинского звания Стрижов Константин Николаевич – бухгалтер ПКГ № 1628.
24. Политрук Алексин Михаил Степанович – начальник ПКГ № 1660 (при 57 ОСБр).
25. Техник-интендант 2 ранга Сапожников Дмитрий Петрович – бухгалтер ПКГ № 1660.
26. Техник-интендант 2 ранга Гуляев Михаил Васильевич – кассир ПКГ № 1660.
27. Без воинского звания Семенов Иван Федорович – начальник ПКГ № 1662 (при 59 ОСБр).
28. Без воинского звания Приоров Михаил Иванович – бухгалтер ПКГ № 1662.
29. Без воинского звания Макаров Анатолий Алексеевич – кассир ПКГ № 1662.
30. Техник-интендант 1 ранга Михайлов Александр Ефимович – бухгалтер ПКГ № 968 (резервная).
31. Интендант 3 ранга Григорьев Михаил Михайлович – начальник ПКГ № 644 (при 259 СД).
32. Техник-интендант 1 ранга Захаров Григорий Евгеньевич – бухгалтер ПКГ № 644.
33. Техник-интендант 1 ранга Бузин Андрей Сергеевич – кассир ПКГ № 644.
34. Техник-интендант 1 ранга Богачев Иван Федорович – начальник ПКГ № 746 (при 19 СД).
35. Техник-интендант 1 ранга Авдошин Иван Федорович – бухгалтер ПКГ № 746.
36. Техник-интендант 2 ранга Пономарев Дмитрий Флегантович – кассир ПКГ № 746.

Как указал в своем письме №004343 от 21 ноября 1942 г. начальник отдела кадров Волховского фронта полковник Корягин, «данных о судьбе указанных лиц начсостава в Отделе кадров не имеется, и они считаются пропавшими без вести по фронту в июне 1942 г.»

В уже цитированном мною рапорте № 168сс от 22 июля 1942 г. начальника ПК № 1606 Малахова указывается, что по полевой кассе №772 «размеры потерь денежной наличности, отчетности и документов до сего времени установить не представилось возможным за отсутствием лиц, могущих подтвердить действительные потери».

Трудно сказать, удалось ли в дальнейшем найти какие-либо сведения на этот счет руководству фронтовой полевой конторы, однако через много лет были опубликованы воспоминания старшины 1102-го полка 327 стрелковой дивизии Дмитрия Вуколовича Шапошникова: «22 июня [1942 г.] я видел, как солдаты комендантского взвода во главе со старшиной У. Агибаловым **сжигали деньги, облигации, документы** [выделено мною – С.Т.]»¹²².

Сегодня невозможно точно сказать – были ли это деньги и облигации из фондов финансового отделения соединения или полевой кассы. Однако весьма примечательно то обстоятельство, что уже 30 июня 1942 г. упоминавшийся выше ст.

---

¹²² Антипов К. В прорыве за Волхов. Военно-исторический очерк. Воронеж. 1989. С. 22 – 23.

инспектор В.М. Щелкунов беседовал с начфином 1102 стр. полка Дьяковским, который ничего ему об этом факте не сообщил. Начфин только подтвердил, что сотрудники ПКГ № 772 из окружения не вышли. Следовательно, есть весьма веские основания полагать, что независимый очевидец говорил именно об уничтожении ценностей полевого банка, а не финансового отделения соединения. Прояснить эту ситуацию мог бы старшина комендантского взвода 1102 полка Устин Иванович Агибалов, но он погиб при выходе из окружения.

Да, фамилия командующего армией, в которой служили и упомянутые в этом разделе, и тысячи других солдат и офицеров, была Власов, но они не были «власовцами» – ни по духу, ни по совести. Это были настоящие солдаты, даже те, кто не успел пройти аттестацию и получить воинское звание. А трагедия в Мясном Бору и сегодня остается одной из наиболее кровавых страниц в истории Великой Отечественной войны.

Деньги любят счет. Даже в войну.

Какими же средствами располагали бойцы и командиры Действующей армии? Судя по задаваемым вопросам и публикациям, эта тема и сегодня интересует общественность. Мне удалось составить определенное представление по данному предмету, хотя сведения в доступных мне источниках весьма фрагментарные. Как я уже упоминал, рядовой пехоты Действующей армии получал 17 руб. в месяц. В 1942 г. размер денежного содержания старшего офицерского состава был повышен. Например, оклад по должности начальника штаба полка, бригады, дивизии, корпуса составлял с 01.12.1942 г. 1300, 1500, 1900, 2200 руб. соответственно (интересно, что оклады устанавливались личным приказом И.В. Сталина)¹²³.

Заметно больше стали получать и младшие офицеры. Как вспоминает офицер армейской разведки Иван Федорович Кружко, в мае 1942 г. первое офицерское жалованье составило 1500 руб., «включая какие-то «подъемные». Ну, что это за доплаты мы уже знаем – один оклад. Так что вполне можно утверждать, что в 1942 г. в основном произошло становление системы обеспечения денежным содержанием военно-служащих.

---

¹²³ Военные финансисты в Великой Отечественной войне. Вклад в победу. М., 2005. С. 222, 225.

Итак, из чего складывался заработок офицера Красной армии? «Должность завделами-казначея по зарплате приравнивалась к командиру взвода. Должностной оклад 600 руб., – со знанием дела рассказывает лейтенант интендантской службы Валентин Иванович Арбатский (1912 – 1986). – Этот оклад я получал все время, пока был в тылу на формировке. По прибытии на фронт в Действующую армию офицерам и всему личному составу в истребительно-противотанковых частях выплачивался двойной оклад и 25% полевых денег. Кроме того, сверх двух лет службы на должностях офицерского состава выплачивалась процентная надбавка за выслугу лет: за 2 года – 5%, за 5 лет – 10%, за 10 лет – 15% и т.д. до 30%. Я за выслугу лет стал получать в конце 1944 года...

Так что деньгами нас не обижали. Половину денег я высылал по аттестату матери, остаток расходовал в военторге. Остаток – это за минусом подоходного налога и удержаний по займу... По правде сказать, деньги на фронте расходовать было негде. Все оставляли себе самую малость, больше посылали домой или зачисляли во вклады»¹²⁴.

Молодец, Валентин Иванович. Все толково разъяснил. И не только, как начисляли, но и на что тратил. Вот что значит иметь дело с настоящим финансистом – профессионалом своего дела.

Ну, а на что в основном мог потратить в военторге (более

---

¹²⁴ Я помню. Интернет-ресурс.

подробный разговор об этой структуре у нас впереди) деньги молодой офицер? Увы, ответ банален. «Во время войны продавали, при части у которой имелся военторг, в основном спиртоводочные товары. К каким-то праздничным дням – давайте деньги, вам принесут»¹²⁵, – рассказывает офицер-артиллерист Виктор Александрович Вахутин.

Полагаю, у многих возникнет вопрос: а что это за должность такая завделами-казначей, да еще офицерская? Да, обычно младший лейтенант или, в крайнем случае, старшина-сверхсрочник. И должность эта появилась неспроста. Дело в том, что со временем стало ясно, что без штатного офицера-финансиста нельзя обойтись не только в батальоне, но и в отдельной роте. А таких подразделений было немало: автомобильные, гужевые, саперные, медицинские, связи, ремонтные, дорожные, банно-прачечные и т.д. Ну и штрафные, наконец. Необходимо было своевременно выплачивать оклады, фронтовые надбавки, премии за разные виды деятельности. И вот, чтобы обеспечить этот важнейший фактор повышения эффективности работы подразделений и были введены должности завделами-казначей. Как по мне, это еще одно доказательство того значения, которое придавалось высшим командованием Красной армии своевременному финансовому обеспечению личного состава Действующей армии.

К сожалению, параллельно в стране продолжался и стремительный рост цен на все товары первой необходимости.

---

¹²⁵ Я помню. Интернет-ресурс.

По сравнению с довоенным периодом цены вольного рынка (даже в официальных документах появился этот термин) выросли в среднем в 18 раз (наивысшая точка была достигнута в январе 1943 г.). Однако по отдельным группам товаров этот показатель был еще выше: цена муки, например, в Саратове превысила довоенную в 90 раз, в Уфе – до 30 раз. Но цены на товары по карточкам (карточные цены) не повышались, кроме как на водку (поднимались трижды и составили 655% от довоенной цены), в среднем вдвое подорожали табак и парфюмерия (всего этот источник дал бюджету дополнительно за войну около 45 млрд руб.)¹²⁶.

«Буханка хлеба и бутылка водки стоили одинаково – 400 рублей»¹²⁷, – рассказывает о ценах военной поры на рынке в Саратове командир-танкист Константин Николаевич Шипов. И это не предел – в других местах еще дороже.

Что и говорить, тяжело было всем: и военным, и гражданским. Я не буду здесь повторять всякие недоразумения, типа «при Сталине не воровали». Пусть об этом скажут правду фронтовики. Им ли не верить?

В запасном «полку плохо кормили. И плохо, это еще ничего не сказать, – вспоминает офицер-танкист Н. Н. Борисов. – Мало того, что 7-я норма сама по себе скудная, так

---

¹²⁶ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. №5. С 31, 33, 47.

¹²⁷ Я помню. Интернет-ресурс.

ведь еще и с кухни и налево, и направо уходило...»¹²⁸.

Увы, к сожалению, как видим, присутствовало и воровство. Куда уж без этого. Страдала этим недугом и система военного снабжения от роты до армейских складов. «Во всех инстанциях, сколько-нибудь, да украдут. Полностью до солдата ничего не доходит. А у нас, как ни странно, воровать некому»¹²⁹. Ну, это у штрафников, где служил уже известный нам офицер-пехотинец Е. А. Гольбрайх, там не забалуешь.

Что и говорить, время было голодное, особенно бедствовали те, кому пришлось покинуть родные места. Тысячи эшелонов с заводским оборудованием, станками, материалами, в сопровождении целых трудовых коллективов с семьями перебазировались вглубь страны, подальше от линии фронта, вне радиуса действия немецкой авиации. Составы медленно ползли на Восток, пропуская встречные с войсками, перебрасываемыми к фронту с Дальнего Востока и Средней Азии.

Страдали в дороге эвакуируемые, особенно женщины и дети, невероятно. Система продовольственного обеспечения, особенно на железнодорожных станциях, практически отсутствовала, но привокзальные рынки функционировали всюю, и выкручивались, как могли. Как вспоминал уже знакомый нам выпускник Харьковского авиационного института Аполлон Яковлевич Мариненко, при перевозке сотруд-

---

¹²⁸ Я помню. Интернет-ресурс.

¹²⁹ Сайт Физического факультета МГУ.

ников завода № 21 с семьями в эшелоне в теплушках бедствовали очень сильно. Сначала распродали или обменяли на продукты личные вещи. А потом пришлось и приворовывать: «На какой-то промежуточной станции нам прицепили платформу, на которой был свинец, литые чурки. Рыбакам всем свинец нужен. И вот мы таскали этот свинец и сбывали с рук»¹³⁰. Конечно, инженеры сильно рисковали: стратегический материал, а в условиях войны... Но если у тебя голодные дети... Кто осудит? Я не берусь.

Не менее трудно приходилось и военным. По воспоминаниям летчика-истребителя А. Ф. Хайла, в начале 1943 г. следовали они из Средней Азии в штаб ВВС в Москву. Поезда шли неспешно. А как выживали? «Кур ловили – голодные были,.. соль продавали, которую в районе Аральского моря набрали. стакан соли стоил 50 рублей»¹³¹.

Сложная ситуация на фронте и в тылу ставила новые задачи перед системой полевых учреждений Госбанка СССР, которая, несмотря ни на какие трудности, уверенно развивалась и повышала эффективность своей работы.

В июле 1942 г. руководством Госбанка СССР было принято решение усилить уровень защищенности вкладов военнослужащих от возможных хищений и попыток снятия

---

¹³⁰ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

¹³¹ Драбкин Артем. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941 – 1942. Интернет-ресурс.

средств, несанкционированных владельцами счетов. Особое внимание обращалось на недопустимость всяческих исправлений и подчисток. Категорически запрещалось оформление подписями и печатями незаполненных вкладных книжек для приема новых вкладов [п. 8]¹³². Делалось это с целью исключить возможность открытия фиктивных счетов на подставных лиц. Не секрет, что ввиду крайне ограниченного числа сотрудников (3—4) человека на дивизию, а иногда и корпус начальники ПКГ передавали оформленные книжки начфинам частей, чтобы те самостоятельно вносили в них фамилии новых вкладчиков. Вкладная книжка оставалась у военнослужащего, а документы на нового вкладчика возвращались в полевую кассу. Офицеру не надо было ехать в полевой банк, что, конечно, было не очень просто в боевых условиях, и он мог прямо из своей части через начфина управлять своим счетом, давая распоряжения о переводе средств по своему усмотрению и т.д. Так, безусловно, было проще и удобнее всем. Но это же создавало лазейки для возможных ухищрений, ибо сотрудники ПКГ лично не видели своего клиента и не общались с ним, а также не могли проверить подлинность проставленных им подписей. И хотя в делах мне не приходилось видеть каких-либо доказательств, что попытки подобных махинаций имели место, исключить их было невозможно.

---

¹³² Письмо Правления Госбанка №Ц-80с от 17 июля 1942 г. Подписал зампред В. Емченко.

С этой же целью данным указанием было установлено, «что работники полевых учреждений Госбанка не могут состоять вкладчиками в том полевом учреждении Госбанка, в котором они состоят на службе» [п.10].

Поскольку система вкладов стала единой и получить свои деньги клиент мог в любом учреждении Госбанка, как стационарном, так и полевом, а не только в том, где был открыт счет, то были введены дополнительные меры защиты. Т.е. теперь вкладчик, прибыв в командировку или в отпуск, мог в любом отделении или кассе Госбанка получить наличные деньги, как в Действующей армии, так и в любой точке СССР в тылу. Нам, избалованным системой быстрых платежей (СБП) Банка России, сегодня трудно представить проблему получения со своего счета наличных, которая существовала в те годы.

В качестве дополнительной меры защиты были введены «переводные ключи к остатку по вкладу». Теперь, например, крайне сложно было попытаться получить дополнительные деньги сверх остатка по счету, хитро превратив 250 руб. в 2500. Увы, таких примеров было предостаточно. Уж больно заманчиво представлялось получить наличные сегодня и сейчас. И потратить их по своему усмотрению. Дальше пройдет, как минимум, несколько месяцев пока проведут сверку, разберутся, что и как. А ты уже на фронте, перевелся в другую часть, а однофамильцев твоих много. Связи нет. Ищи свищи ветра в поле. Да никто, как теперь выясняется, особо

и не искал, кроме как сами сотрудники Госбанка, которым приходилось из собственного кармана покрывать недостачу. Милиция, прокуратура и особые отделы такими делами, как правило, занимались крайне неохотно – прошляпили, сами разбирайтесь.

Так в чем же заключались эти самые «переводные ключи»? Давайте, сразу перейдем к практическом примере.

Итак, после совершения операции по вкладу некоего Ивана Калугина выведен остаток 4000 руб. Переводной ключ в данном случае представит сумму следующих слагаемых:

4000 р. (сумма остатка)	45
К (Калугин)	14
И (Иван)	3
Переводной ключ составит	62

Просто и понятно.

Но если остаток по вкладу более сложное число – 1320 руб.

Тогда:

1000 руб.	20
300	52
20	64
Переводной ключ	136

Ну, с фамилией и именем все уже и так понятно.

Естественно, цифры брались не с потолка, а из специальных таблиц, которые рассылались по всей системе Госбанка и время от времени, например, раз в квартал менялись¹³³. Поскольку эти сведения шли под грифом «совершенно секретно», то доступ к ним имел крайне ограниченный круг лиц. А разглашение сведений, составляющих государственную тайну, тогда каралось крайне жестко. Естественно, все вышеуказанные преимущества, способствовали увеличению популярности вкладных операций среди офицерского состава.

Наработки первого периода войны были закреплены в «Инструкции по ведению операций в полевых учреждениях Государственного Банка СССР», утвержденной в октябре 1942 г. Правлением Госбанка СССР (№227).

«Полевые учреждения Госбанка осуществляют кассово-расчетное обслуживание войсковых частей и учреждений

---

¹³³ Письмо Правления Госбанка №Ц-80с от 17 июля 1942 г. Подписал зампред В. Емченко.

Действующей Красной Армии, кассово-расчетное обслуживание полевых почтовых учреждений, кредитно-расчетное обслуживание полевых военторгов и ведут операции по приему и выдаче вкладов военнослужащих», – так были сформулированы задачи полевых учреждений в указанном нормативном документе. Отдельный раздел инструкции был посвящен вкладным операциям. Не будем рассматривать весь процесс осуществления указанных операций. Остановимся на главном, а именно:

«Прием средств во вклады военнослужащих полевыми учреждениями Госбанка производится как наличными деньгами, так и **по их поручению** [здесь и далее в документе выделено мною – С.Т.] безналичными перечислениями из причитающегося им денежного содержания». (п. 136).

«...Взнос денег во вклад может быть произведен как лично вкладчиком, так и **по его поручению** любым гражданином без личной явки вкладчика». (п.137).

«Полевые учреждения Госбанка открывают каждому вкладчику отдельный лицевой счет и выдают на руки заверенную подписями и гербовой печатью вкладную книжку». (п.138).

«Начальники финансовых органов войсковых частей, как правило, до выдачи денежного содержания **опрашивают военнослужащих начальствующего состава** о суммах, которые **они хотят** из причитающегося им месячного денежного содержания поместить во вклад в полевое учрежде-

ние Госбанка, путем безналичного перечисления». (п. 145).

«Полевое учреждение Госбанка, ведущее лицевой счет вкладчика, может, **по поручению вкладчика**, производить переводы денег со вклада третьему лицу... Если сумма почтовых расходов должна быть списана со вклада, об этом вкладчиком в заявлении должно быть сделано указание». (п. 149).

Я привел столь обширные выписки из вышеуказанной инструкции вот по какой причине. В последнее время в некоторых средствах массовых коммуникаций, в первую очередь в интернете, появились утверждения о том, что во время Великой Отечественной войны вклады в полевых учреждениях открывались всем без исключения военнослужащим, независимо от их желания. При этом авторы подобных публикаций ссылаются на якобы существующий приказ № 84. К этому вопросу мы еще вернемся. А пока давайте разберемся с одним очень важным для понимания сути вопроса документом.

Чем же подтверждалось наличие вклада в полевом банке? Уже в 1941 г. любой военнослужащий мог вносить деньги в полевую кассу. Ему на руки выдавалась специальная «расчетные книжки на вклад», внешне очень напоминавшая еще недавно бывшую в ходу сберегательную книжку.

Что касается вкладной книжки образца 1943 г., которая выдавалась полевыми учреждениями Госбанка при открытии счета, то она была разработана «в целях создания боль-

ших удобств для вкладчиков военнослужащих, упрощения работы в полевых учреждениях Госбанка, а также усиления контроля за подлинностью записей во вкладной книжке... [Она] значительно удобнее для хранения, по ней вклад может быть переоформлен в другом полевом учреждении без замены вкладной книжки, в новой вкладной книжке увеличено количество талонов-ордеров»¹³⁴.

Во вкладной книжке нового образца отсутствовали данные о воинском звании и служебном положении военнослужащего. Указывались только фамилия, имя, отчество вкладчика, номер полевой почты и части, при которой действует полевое учреждение, а также содержался образец его личной подписи. Имелась отдельная графа, в которой делалась отметка о завещании вклада, если военнослужащий пожелает воспользоваться этим правом. Эти сведения, а также записи об операциях (суммы взноса, выдачи и остатка по вкладу), процентном доходе дублировались в карточке лицевого счета вкладчика, которая хранилась в полевой кассе. В книжке были предусмотрены 10 бланков талонов-ордеров, по которым владелец счета имел возможность получить наличные в любом полевом или стационарном учреждении Госбанка СССР. Для экономии времени военнослужащих, особенно тех, кому был предоставлен краткосрочный отпуск с фронта, в феврале 1943 г. заместителем председателя Правления

---

¹³⁴ Введена приказом Госбанка СССР № 6446 от 17 мая 1943 г., который подписан заместителем председателя Правления Госбанка СССР И. Безруковым.

Г.В. Перовым¹³⁵ по системе Госбанка СССР была направлена телеграмма, в которой предписывалось «операции по вкладам военнослужащих во всех полевых и стационарных учреждениях Госбанка производить вне очереди. Извещения об этом должны быть вывешены во всех учреждениях Госбанка». Конечно, это привлекало новых вкладчиков, поскольку очереди военного времени действительно требовали большой выдержки и терпения, особенно когда время отпуска измерялось буквально часами.

Как видим, вкладная книжка содержит только минимум данных, необходимых для обслуживания вкладчика и защиты его интересов. В случае смерти военнослужащего вкладная книжка должна была передаваться командованием части в ближайшее полевое учреждение для исполнения завещательного распоряжения вкладчика, розыска лица, которому он завещан. Таким образом Государственный банк отвечал исключительно за сохранность вклада военнослужащего в случае, если он был открыт. Извещать же семью погибшего офицера, в соответствии с приказом НКО № 214, должно было его непосредственное командование¹³⁶.

Сами вкладные книжки были документами строгой отчетности и за их утрату жестко спрашивали. Так, как отмеча-

---

¹³⁵ Перов Георгий Васильевич – руководил работой полевых учреждений в 1941 – 1943 гг.

¹³⁶ Приказ народного комиссара обороны СССР №214 от 14. 07. 1942 г., подписан заместителем наркома генерал-лейтенантом интендантской службы Хрулевым.

лось в одном из актов ревизии, в подотчетном полевой конторе № 130 полевом отделении № 25 была «утеряна одна незаполненная вкладная книжка нового образца с печатью и подписями отделения». В итоге начальник полевой конторы был понижен в должности, как не обеспечивший руководство подчиненного ему подразделения. От сотрудников полевых банков требовали пунктуального выполнения нормативных документов, регламентирующих вкладные операции. С этой целью летом 1943 г. в системе полевых учреждений Госбанка СССР была проведена масштабная проверка знаний положений инструкции № 227¹³⁷ всеми сотрудниками, причастными к работе со вкладчиками. Указанная мера была во многом продиктована тем обстоятельством, что к тому времени в силу различных причин значительно обновился личный состав полевых учреждений, сократилось количество профессиональных банковских работников с довоенным опытом. Если проверяющие выявляли «поверхностное» знание указанного документа, то ставился вопрос о «возможности использования сотрудника в занимаемой должности». В первую очередь внимание полевых банкиров обращалось на необходимость точного оформления карточек лицевых счетов, вкладных книжек, а особенно завещательных распоряжений, полноте фиксации необходимых для розыска наследников данных. Сделать это во фронтовых услови-

---

¹³⁷ «Инструкция по ведению операций в полевых учреждениях Государственного банка СССР». Введена в действие в октябре 1942 г.

ях было крайне сложно, поскольку 2 – 3 штатных сотрудника полевой кассы, обслуживавшей дивизию, а иногда и корпус, не всегда могли лично встретиться с каждым вкладчиком. Как правило, заявления на открытия вкладов и перевод средств передавались через начальников финансовых служб. Однако это никак не снимало с сотрудников полевых учреждений ответственности за точное соблюдение всех банковских положений. Более того, руководство Госбанка СССР требовало от полевиков регулярных «выходов работников касс в войсковые части»: «Опыт работы полевых учреждений Госбанка показывает, что высоких результатов добиваются лишь те полевые учреждения, которые повседневно связаны с войсковыми частями, регулярно инструктируют и помогают начфинам непосредственно в частях»¹³⁸.

Строго спрашивали за любую мелочь в оформлении банковских документов. Вот выписка из приказа по итогам ревизии одной из полевых касс: «На лицевом счете №.....17 нет подписи вкладчика». И далее: «Оформление первичных документов, учет и контроль операций производить повсеместно в полном соответствии с инструкцией № 227. Ни в коем случае не допускать отступлений от инструкции и ослабления контроля с тем, чтобы создать устойчивую образцовую постановку работы по учету и отчетности... Строго следить за ходом безналичных расчетов по денежному

---

¹³⁸ Указание заместителя председателя Правления Государственного банка СССР Г.В. Перова от 16 ноября 1942 г.

содержанию в в/частях, привлекать во вклады только свободные средства личного состава, не допуская механического зачисления денежного содержания во вклады, с одновременным получением таковых по доверенностям, с целью искусственного повышения объема безналичных перечислений»¹³⁹

---

¹³⁹ Приказ № 0158 от 18 июня 1943 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.